

ГЕРЦОГ

魏 韓

二
國

ВИТАЛИЙ

ОСТАНИН

ТРОЕЦАРСТВО

Троецарствие

Виталий Останин

Троецарствие. Герцог

«Виталий Останин»

2022

Останин В. С.

Троецарствие. Герцог / В. С. Останин — «Виталий Останин»,
2022 — (Троецарствие)

Завершающая часть приключений нашего современника в альтернативном Китае второго века нашей эры. Сражения, гражданская война, магия-ци, боги и демоны. А еще новый противник, легендарный Небесный Дракон. И весь Срединный Китай под его рукой.

© Останин В. С., 2022

© Виталий Останин, 2022

Содержание

Глава 90	5
Глава 91	13
Глава 92	19
Глава 93	24
Глава 94	29
Глава 95	34
Глава 96	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Виталий Останин

Троецарствие. Герцог

Глава 90

С календарями в Китае было... непросто. Я хотел сказать – полная задница, но это не так. Местные отлично умели считать, и у них был в этом огромный опыт, а плюс фундаментальные знания и непрекращающиеся исследования в этом направлении. Только вот мне, чтобы понять, какой сейчас год и месяц, вероятно, нужно было выбирать не путь Стратега, а становится прославленным ученым, который знает астрономию, историю, разбирается в религиозных концепциях и философских учениях, практикует каллиграфию и может на коленке написать стих, разбивающий сердца как мужчинам, так и женщинам.

Думаете, я придираюсь? Такой весь из себя европеец, привыкший к логике григорианского календаря и не способный понять чужие традиции? Ладно, давайте вместе попробуем разобраться!

Люди низкого происхождения, всякие там крестьяне необразованные и ремесленники (а также воины, шлюхи, торговцы, чиновники низовых разрядов), в общем, абсолютное большинство простолюдинов, жили по сезонам. Всего их было пять, а не четыре. А год при этом делился не на двенадцать, а на двадцать четыре месяца, привязанных к основным лунным циклам. А, еще момент, начинался год примерно с февраля, если к григорианскому привязываться.

Названия у месяцев были поэтичны, но при этом унифицированы по всей Поднебесной. Начало Весны, Дождевая Вода, Пора пробуждения личинок, Весеннее равноденствие... И это мы только до марта дошли, ясно? Начали в феврале, прошло уже четыре месяца, а у нас только март. Понятно, насколько тут все непросто?

А еще были так называемые государственные календари, которые использовались при дворе. Там месяцев было двенадцать. Или тринадцать? Да, двенадцать или тринадцать, точно. Лунных месяцев, которые были короче наших, но при этом умные китайцы знали про то, что в году триста шестьдесят пять дней, а значит, чтобы в эту цифру укладываться, иногда вводился високосный месяц. Для выравнивания.

Назывались они просто. Первый, второй, третий, четвертый, пятый – прямо вот музыка для моих китайских ушей русского происхождения. Но! Начинались они не с февраля, а с конца января. И каким-то хитрым образом коннектились с сельскохозяйственным. А также с календарем Небесного Ствола и Земных Ветвей. Которые, соответственно, назывались уже не по порядковому номеру, а по покровителю – Месяц Абрикоса, например или Месяц Кролика.

В результате Терминатор, если бы он попал в древний Китай, сбойнул бы, и здешнюю Сару Коннор искать не смог. Запутался бы Арни, как есть. Вышел бы на улицу, забрал бы чей-то мотоцикл, ботинки и куртку, а потом спросил – а какой сейчас год, месяц и день? И тут все очень сильно зависело от того, кто ему ответит.

С годами все было не проще. Мы имели сквозное летоисчисление от сотворения мира (причем, там цифры разнились в трех вариантах), потом от династии Шан, от династии Чжоу, от Первых законов Небесного Императора и – текущей эпохи. То есть, когда на трон восходил новый император, мир как бы обнулялся и отсчет годиков начинался сначала.

А так как у нас императора не было уже двадцать один год, то сейчас, получается, шел именно двадцать первый год от Падения Хань. Я провел кое-какие вычисления – это было непросто, но мне помогала лучший из известных мне Секретарей – и соотнес его с 199 годом нашей эры.

А сегодня был двенадцатый день месяца гуюй (хлебных дождей) или четвертый день месяца Персика по Небесному Стволу (он же месяц Дракона по Земной Ветви). Или третья декада апреля – как я понял. Но я уже решил остановиться на Драконе – так звучало пафоснее и под наши цели подходило как нельзя лучше.

«Ибо в этот день прославленный Стратег Вэнь Тай по прозвищу Белый Тигр решил вырвать инициативу из рук врагов и начать вторжение на северный берег Янцзы!»

Хотя, строго говоря, решение об этом мы приняли значительно раньше, а сейчас просто воплощали в жизнь.

Пока армия готовилась к переброске на другой берег, я наблюдал за учениями, которые проводил мой боевой товарищ Гань Нин с отстающими полками так называемого «нового строя». Почему «так называемого»? Да потому что эти дети черепахи и шакала совершенно не понимали, что от них требуется, и все норовили сбиться в кучу, которая потом сразу же начинала разваливаться на множество мелких отрядов.

Набрали мы этих альтернативно одаренных юнитов с миру по нитке. Кто-то был из дезертиров фракции Гэ – после моей пламенной речи солдаты решили покинуть вождя-неудачника и присоединиться к блистательному и славному своими победами мне. Часть новобранцев прислали союзники, традиционно действующие по принципу «возьми боже, что нам негоже». Несколько тысяч явились добровольцами, то есть сами.

«Ибо слава о великих победах сего достойного мужа прокатилась по всей Хань!»

В общем, из разных источников мы набрали шесть полных терций-каре, в каждой из которых было четыре тысячи пехоты и арбалетчиков. Вооружения на них хватило с избытком – опять же, союзники подсутились, да и трофейного добра было много. А вот с навыками работы в новом для них построении еще было плохо.

Местные ведь как воевали? Дали тебе палку – копьё-клевец-алебарда – и добро пожаловать в армию. Тут стоять, тут вперед идти, по свистку паниковать и обращаться в бегство. Если каким-то чудом это пушечное мясо выживало в первой баталии, им давали какие-никакие (вообще никакие!) доспехи, учили маршировать и получали сносных копейщиков или стрелков. Особо талантливых привечали разные командиры и перетаскивали к себе в подразделения, которые уже можно было назвать линейными частями.

И главное – мухи и котлеты у азиатов всегда были отдельно. То есть контактная пехота и стрелки. Я же в невыразимом своем гении (тупо в Вики прочитал) смешал их в единый строй и – вот ведь тиран! – еще и заставлял действовать слаженно. Ветераны этот дзен уже постигли, а вот новички пока не понимали, чего от них хотят.

Все это время, пока Пират дурным голосом орал на новобранцев, я сидел весь из себя такой умиротворенный – чисто Будда! – и смотрел себе в пупок. Но на самом деле я наблюдал «небесным взором» за всем этим недоразумением, из которого только предстояло сделать каре, и думал, что методику нужно менять. Например, позволить арбалетчикам стрелять по ним боевыми снарядами, чтобы они, черт бы их побрал, научились уже смыкать щиты над головой во время наступления!

Солнце уже намекало, что время к полудню, а этидохлые мухи так и не научились, не разворачиваясь, принимать атаку во фланг!

Не выходя из этого «просветленного» состояния, я активировал технику командного голоса, и над бедолагами-новобранцами прогремел гром.

– Щиты над головой, обезьяны! Сомкнуть! Плотнее! Вот так! Теперь на счет раз – шаг. На счет два – второй! Вот! Вот! Левый фланг, палок захотелось? Куда побежали?

– Это бесполезно. – Гань Нин уселся рядом со мной. – Они не понимают. Надо более мелкими отрядами учить. А потом уже в большие сводить.

– Научатся. – Я вернулся в тело и открыл глаза. – Все сперва тупили, но ничего. Сейчас вон как шагают!

И я указал рукой на соседний плац, где движения в каре отработывали наши ветераны, заставшие еще сражение с Желтыми Повязками под Синьду. Выверенные движения, четкие повороты, все фазы боя отыгрывают, любо-дорого посмотреть. Вот только эти полосы у них над головами, они откуда взялись? Будто светящаяся пыль, да еще и разноцветная, прихотливо изгибающаяся.

Перевел взгляд на побратима и не смог удержаться от возгласа на русском.

– Это что вообще за хрень?!

Пират в цветной пыли просто купался. Она окружала его целиком, красная, как сухая глина из горной реки. И совсем ему, кажется, не мешала.

Побратим, уже привычный к моим редким восклицаниям на «горском языке», недоуменно вскинул бровь.

– Что?

– Ты видишь пыль?

– Пыль? Брат, мы в военном лагере на сотню тысяч человек. И четыре тысячи прямо сейчас под носом у нас маршируют – или как называется то, что они сейчас делают. Конечно, я вижу эту пыль! Она же везде!

– Да не эту пыль, другую! Вокруг тебя сейчас облако пыли, почти полностью тебя скрывает. А, вот смотри! Она сейчас распалась на несколько рукавов и улетела! Что, правда не видишь?

Пират некоторое время смотрел на меня без выражения, потом сунул руку в корзину, где у нас была спрятана вода и фрукты, вынул оттуда тряпицу и протянул мне.

– Прикрой голову, старший брат. Солнце очень сильно печет.

Я хотел было возмутиться, но, подумав, не стал этого делать. Может, и правда напекло. Время полдень, в самом деле могло. Надо на учения не красивую заколку из кости, а тряпицу надевать.

– Может, и так... – не очень, впрочем, уверенно ответил я. – Ладно, разгоняй этих неумех, после обеда продолжим.

И, дождавшись, пока он закончит выкрикивать приказы младшим командирам, спустился к лошадям и вскочил в седло.

Лагерь и в самом деле был большим. Ряды солдатских шатров уходили за горизонт, а ночью, наверное, будет похожим на звездное небо – так много разгорится костров. Они и сейчас пылают, бойцы по подразделениям готовят себе обед. Идеи централизованной кормежки на полевых кухнях тут еще не прижились.

Мы тоже отправились обедать. К моему шатру, через весь лагерь, к центру. И когда прибыли, все мои ближники там уже находились. Сидели за длинным столом, на который только-только начали выставлять блюда.

Я ввел эту традицию недавно, с месяц назад. Обедаем вместе, обсуждаем дела, решаем текущие вопросы. Потом пьем чай и расходимся каждый к своим обязанностям.

Прижилась она махом, и теперь соратники собирались за столом у моего шатра с такой точностью, хоть песочные часы по ним сверяй.

– Как у нас дела с паромными плотами? – спросил я первым делом, накидав в миску риса, зелени и мяса.

Кормили нас по-походному, то есть никакого вина, сервированных столиков и тридцати трех махоньких блюд, в которые раз или два можно было палочками клюнуть. Массивные глиняные тарелки, куда загружалось еды человек на двадцать сразу, и откуда каждый нагребал, сколько хочет.

Прапор, ответственный за переправу, ответил не сразу. Сперва он неторопливо дожевал то, что уже закинул в рот – воспитанный все же человек! – и лишь тогда доложил:

– Первые два работают. Перевозят по две сотни солдат в час каждый. К вечеру закончим еще два. На завтра в планах тоже два.

– Хорошо, – кивнул я и продолжил есть.

Некоторое время назад, а точнее, почти три месяца как, мы остановили армию вторжения Гэ, устроив им полный разгром и геноцид на реке при переправе. А сегодня мы сами форсировали водную преграду, правда, уже учтя все просчеты наших противников. Для начала мы выбрали менее очевидное место для переправы – в районе Куайцзи, неподалеку от устья Янцзы. Здесь она в самом узком месте была порядка двадцати ли¹, к тому же с внутренней дельтой, что делало данный участок не самым удобным для переправы местом. Точнее, самым неудобным. Поэтому из врагов никто и не подумал бы, что там мы и решимся перебираться.

Но, когда у трудолюбивых китайцев их хитроумный лидер (это я про себя, если что), для них нет и не может быть никаких преград! Я решил подойти к делу основательно, а не устраивать кровавый заплыв, как это сделали войска господина Гэ. Сперва, пару месяцев назад, я перебросил туда на джонках небольшой десант, чуть меньше тысячи человек. Ребята под руководством Амазонки провели разведку, убедились, что места тут дикие и можно цирк со слонами показывать, а все равно никто не придет. Тогда на северный берег отправился уже более крупный контингент – три тысячи пехоты. Которой предстояло стать прообразом нового рода китайских войск – стройбатом. Хотя о чем это я? Тут все рода войск при необходимости в него превращались.

В любом случае мои за месяц построили крепость на берегу с большим внутренним двором, срыли часть берега и установили «станцию» паромной переправы. С помощью джонок перетасили на наш берег канаты, закрепили их и вскоре были готовы принимать первый десант.

Пока шли все эти строительные работы, основная часть армии усердно мозолила глаза врагам в районе Юйчжана, где и произошло то грандиозное морское сражение. Небольшие силы потихоньку уходили к Куайцзи, чтобы стать гарнизоном крепости, а все остальные вели себя так, словно вот-вот решатся на вторжение. На которое, с точки зрения господина Гэ и его союзников, у нас уже вполне хватило бы сил.

Подкрепление, как уже говорилось, я получал из разных мест. В частности – от вассалов. Те прониклись моим военным гением и решили, что с таким удачливым сукиным сыном лучше дружить, а не изображать неизвестно что. Через неделю после битвы все они прислали войска, припасы и даже подарки (в основном деньги и продовольствие), чтобы продемонстрировать, как они восхищены моей победой. В которой они, естественно, ни на миг не сомневались. А что сами вовремя не подошли, так это же дороги все. Плохие, размыло – выбрать нужное. Я тогда решил сделать вид, что поверил. Было бы глупо начинать чистки накануне вторжения в Срединные земли. Но ничего не забыл. Даже кое-какие заделы на будущее обеспечил, но об этом как-нибудь в другой раз.

И вот месяц назад армия Вэнь снялась с лагеря под Юйчжаной и не торопясь попылила в сторону Куайцзи, прямо вдоль реки. Обеспокоенный противник тут же двинулся параллельным курсом по своему берегу. И когда дошел до точки назначения, обнаружил там хорошо укрепленный лагерь с почти пятнадцатитысячным гарнизоном и начавшуюся переправу основных сил. Гэ сотоварищи даже попытался захватить крепостицу, но тут его ждал жесткий облом.

Укрепляли-то мы наш опорный пункт по всем правилам фортификационной науки. Ямы-ловушки, рвы, засеянные «чесноком» поля, лужи «греческого» огня и даже мины, которые, вообще-то, было бы правильнее назвать прототипом. Да, я тут порох «изобрел». Не с нуля – предпосылки разной зажигательно-взрывающейся дряни тут уже были. И довольно пока дрянной, который горел, но, по правде сказать, больше дымил. Взрывался он и того реже – не хва-

¹ Это почти восемь километров.

тало чего-то в пропорциях. Но и его, вкуче со всем остальным, хватило, чтобы остановить наступление на крепость и заставить противника занять выжидательную позицию, раз уж с наскока ничего не вышло.

Трудно заставлять солдатиков топтать по полю, когда у них под ногами вдруг начинает что-то шипеть, потом дымить и гореть. А порой еще и взрываться. Редко, правда, но поди объясни вчерашним землепашцам, что взорвется не у них под ногами и что процент удачных срабатываний составляет всего лишь три единицы от ста. Это как с толпой, которая нарвалась на вооруженного однозарядным пистолетом человека – понятно, что застрелить он сможет только одного, но никто этим самым несчастным быть не хочет.

К тому же армия господина Гэ и его союзников сейчас переживала не лучшие времена. Дисциплина – на уровне плинтуса, боевой запал – нулевой, моральный климат сложный. Мытарь предрекал развал союза заречных князей где-то месяцев через шесть. Я же, зная свое везение, так долго ждать попросту не мог.

Другими словами, переправе нашей войска Гэ практически не мешали. Флота у них не осталось, мои джонки нагло доминировали, и утлые баркасы, которые противник отправлял, чтобы перепилить тросы паромов, они пускали на дно моментально, а корейцы после того бесславного слива на реке свалили обратно в свою Когурё, тем более помешать не могли. Даже не знаю, заплатили пиратам денег или так отправили – голодными. Надеюсь, они по предоплате работали, а после того сокрушительного поражения и фактически полной потери флота разговаривать с ними на равных никто бы не стал.

Таким образом за световой день мы перебрасывали по три тысячи пехоты, а с завтрашнего дня увеличим эту цифру вдвое. И вот когда на северном берегу накопится достаточно войск, чтобы без больших потерь втоптать врага в ил, я и начну наступление. Тем более, армия у Гэ серьезно так схуднула, а моя, напротив, приросла.

После той моей речи на реке, мол, я готов принять храбрецов, которые готовы бороться за единую Поднебесную, в войсках противника началось массовое дезертирство. Воины посмотрели, как их чуть было не утопили, прикинули, что с такими талантливыми военачальниками они до конца кампании явно не доживут, и начали бежать. Большинство – по домам, но многие приходили и ко мне. Строили плоты, втихую сплавлялись по реке и выходили к нашим патрулям с поднятыми руками и готовностью принести клятву верности новому господину. Из них мы формировали отдельные подразделения, ставя над ними младших командиров из ветеранов и пристально следя за поведением.

Было бы глупо предполагать, что среди дезертиров не окажется шпионов врага. Многих наше НКВД, возглавляемое старушкой-лекаршей, уже обнаружило и казнило, а те, что остались, затихарились и голову поднять боялись. Я же еще пообещал награду за полезные сведения о разведчиках противника в наших рядах, так что сдавали их теперь больше свои.

– А как продвигаются тренировки новичков? – уточнил я у Быка.

Он, как и мы с Пиратом, занимался подготовкой сформированных из дезертиров каре. Их мы, честно об этом предупредив, собирались пускать первыми. Для отработки полученных знаний и умений в реальном бою, а также для возможности кровью своей доказать верность новому господину.

– Мясо. – коротко ответил побратим, обглаживая кроличью ножку.

Я взглядом попросил его дать более развернутый ответ. Не столько для себя – я таких же тренировал, – сколько для остальных участников пресс-обеда. И Бык пояснил:

– Могут стоять в строю. Не могут поворачиваться и вести бой. Команды выполняют, но не понимают зачем. Нужно больше времени.

– У нас нет больше времени, брат, – сказал я ему. – Если мы еще на полгода остановимся, то нам, во-первых, нечего будет есть, а во-вторых, враг успеет подготовиться и соберет больше войск.

Не факт, далеко не факт, но исходить лучше из худших вариантов. Я предпочту переоценить врага и с легкостью с ним справиться, чем недооценить и сдохнуть, прихватив с собой жену, друзей и сотню тысяч душ.

– Цань, как с кораблями? Никого не видно на горизонте?

– Нет, Стратег. Море пусто на сотни ли, мои разведчики бессменно несут дежурство.

После второго столкновения с корейцами я решил, что эти ребята как-то слишком часто вмешиваются во внутренние китайские дела, и приказал Бешеной держать свои суда в разведке. Чтобы успеть подготовиться, если какой-нибудь еще корейский ван польстится на китайское серебро и пригонит к реке свой флот.

– Юэ, что с поставками от вассальных родов?

Юлька в моем кочующем правительстве стала министром внутренней политики. Сама, кстати, вызвалась, а я возражать и не думал. К тому же она среди нас единственная была аристократкой, которая с детства учила все эти фамилии и сложившиеся взаимоотношения между ними. В смысле, единственная, кому я верил безоглядно.

– Все идет по графику. – ответила она. – С продовольствием наблюдается небольшое отставание, но это ожидаемо было – урожая этого года пока нет, так что владельцы сейчас подчищают запасы из амбаров и делают это очень неохотно. Поставки наконечников для стрел и копий в норме, по клинковому оружию у нас небольшой, но запас. А вот с доспехами начались перебои. Мастерские в Пояне и Синьду не справляются с возросшими объемами, а от союзников приходят только дрянные нагрудники.

– То есть мы не сможем еще одну коробку снарядить? – уточнил я. Армия ведь продолжала разрастаться, у меня в резерве было около восьми тысяч бездоспешных новобранцев с копьями.

– Нет, не сможем. Я бы рекомендовала перевооружить их луками.

– А они стрелять-то умеют?

– А это неважно, главное, чтобы залпом и в одном направлении, – улыбнулась жена.

– Ладно. Мытарь, займешься?

– Да, господин.

– Юэ, а как настроения у наших вассалов? Матушка И, тот же вопрос.

Женщины переглянулись, и слово взяла престарелая особистка. Вот кто бы знал, что из этой целительницы вырастет такая Матерь Шпионов.

– Все в разумных пределах, – медленно проговорила она. Ела Матушка И мало, больше крошила еду на стол, но была собрана и готова отвечать на любой вопрос. – Элиты волнуются, конечно же, но до открытого неповиновения головы не поднимают. Главы городской стражи везде укомплектованы нашими ставленниками, так что общественный порядок мы тоже контролируем. Понемногу начинаем сажать на дворцовые заказы философов и поэтов.

Здесь я недоуменно вскинул брови и попросил разъяснений.

– Простому народу все равно, какое имя носит их владетель, – сказала Матушка И. – Лишь бы было спокойно и безопасно, и чтобы цены на продукты не росли. Крестьянство и ремесленное сословие будут верны вам, господин, пока война не постучится в двери их домов. А вот людям пообразованнее и познатнее нужно нечто большее, чем просто устоявшийся порядок. Они хотят гордиться своей страной. А кто лучше сможет направить их умы в нужное русло, чем философы и поэты?

Да, я все как-то забываю, что древний Китай только для меня древний. А на самом деле он весьма развит был до падения Хань, имел не только два сословия – рабочее и праздное, но и прослойку между ними в лице интеллигенции. Чиновники те же, из тех, что помельче. Читать могут, а значит, и время для дурных мыслей тоже появляется. Начинают задаваться вопросами, а так ли нужен нам Вэнь, может, лучше было бы отдаться господину Гэ, который и происхождение имеет знатное, и вообще.

Кстати, может, дать этим писакам заказ на «Сон в Красном тереме²»? Основу сюжета я помню, хотя в этих стопитсот героев и плаваю. Но скелет накидаю, а дальше – ребятки умные – сами мяса нарастят. Эротика плюс китайская версия «Санта-Барбары» должна влет зайти среднему классу. А если туда еще заложить основы правильной идеологии...

– Хорошее дело! – похвалил я ее. – А дорого это нам обходится?

Матушка И сказала. Я удивился и переспросил. Подключилась Юэлян и заверила, что я услышал все правильно.

– На поэтов?! – тогда уже возмущенно воскликнул я. Похоже, «Сон» будем писать попозже, а то у меня денег на армию не хватит.

– И философов, – добавила супруга.

– Слушайте, ну это как-то чересчур, мне кажется. Они что, самую дорогую бумагу на черновики пускают?

– Такие суммы нужны им для ощущения себя избранными, мой дорогой муж. Возвышенный муж взирает на небо и землю...

– По борделям, что ли, ходить? – а то я же не знаю, на что могут спустить деньги работники интеллектуального труда. – И винище по серебряному лянуну за кувшин глушить!

– Ну, не без того! – рассмеялась Юлька. – Но ведь делают они это в наших борделях!

– А вы опасный человек, моя дорогая жена! – погрозил я ей пальцем.

С исчезновением еды на столе закончилась и ежедневная планерка. Народ стал расходиться по своим делам, коих было великое множество, я тоже собрался было идти дрессировать новобранцев, как вдруг вспомнил, что один момент для себя еще не прояснил. Попросил задержаться Юэлян, Матушку И и Мытаря. И когда мы остались в шатре одни, рассказал им про пыль, которую вижу вокруг людей. Вокруг них, кстати, тоже.

Надо сказать, что она так никуда и не делась с того момента, как я первый раз заметил ее над новобранцами и вокруг Пирата. Так же кружилась перед глазами, порой складываясь в занимательные геометрические фигуры, а иногда – в незнакомые иероглифы. Но со временем не замечать ее стало проще. Если не фокусировать на ней внимания, то она почти и не мешала.

– Примите мои поздравления, господин! – тут же вскочил и начал кланяться Секретарь. – Ваши труды оказались вознаграждены, и вы достигли десятого разряда на Пути!

Юлька с Матушкой тоже стали кланяться. Ну, принято тут так. Не знаешь, что делать – поклонись. Глядишь, сойдешь за образованного человека.

– Хорошо, – сказал я, когда с поздравлениями было покончено. – Десятый разряд, здорово. Что это меняет для меня в использовании ци?

– Мне это неизвестно, – первым ответил Мытарь. – Я лишь читал когда-то, что, когда одаренный начинает видеть потоки ци, это значит, он перешел на другой уровень понимания жизненной силы. Но что меняется для него, об этом написано не было.

– Я тоже не знаю, – покачала головой Юлька. – В нашей семье не было одаренных выше девятого разряда. Про десятый я тоже знаю, но лишь в общих словах. Это, как правильно сказал У Ваньнан, совершенно другой уровень.

– Нужен учитель. – Матушка И произнесла это с задумчивостью и некоторой даже тревогой. – Неважно, в каком Пути он развивается, главное, чтобы он был Великим Мастером. Сила, с которой вы, господин Вэнь, теперь имеете дело, станет более опасной. Прежде всего для вас. Мне однажды довелось видеть последствия неправильного развития одаренного, который перешагнул рубеж десятого разряда.

² Сон в Красном тереме – как утверждает Википедия, наиболее популярный из четырёх классических романов на китайском языке. Написан в 18 веке. Роман неоднократно запрещался в Китае за «неблагопристойность».

Бабуля реально много в своей долгой жизни повидала. Ей даже коня легендарного – того самого Красного Зайца – кто-то из благодарных пациентов подарил. Так что, если она говорит что-то, – этому вполне можно верить.

– Да? – заинтересовался я, не особенно, впрочем, ее словами напуганный. – И как же это выглядело?

– Как одержимость, молодой Тигр, – поджала губки старушка. – Человек не справился с потоками ци, его внутренний резервуар был разрушен, а высвободившаяся энергия привлекла страшных тварей. В итоге та бедная девочка сошла с ума, а еще впустила в себя десяток-другой потусторонних сущностей. Может быть, вы слышали про тот случай? Она была из Желтых Повязок. И это она призвала гигантскую змею, разрушившую императорский дворец в Лояне. Кажется, лидер желтых, Чжан Цзяо, лично убил ее.

Помните, чуть выше я говорил, что слова Матушки И меня не напугали. Так вот, я соврал. Перепугался я до икоты. Стать неуправляемым одаренным, который призывает монстров и не видит разницы между своими и чужими – нафиг мне такое возвышение!

И, как назло, единственного знакомого Великого Мастера я скормил Бай Гуцзин! Вот что мне стоило оставить его в живых, держать в плену и при необходимости использовать?

Глава 91

С наступлением вечера влажная духота, которую я на удивление хорошо переносил, отступила. Солдаты, изнуренные муштрой, отправились к своим палаткам – варить пищу и готовиться ко сну. Я, в принципе, тоже планировал заняться чем-то подобным. С той лишь разницей, что еду мне уже приготовили, а спать... спать мне еще долго не светило.

Сейчас, наверное, подумали про важные обязанности главы фракции, да? Подписание указов, награждение виноватых и наказание невинных? Ну, или там – дипломатическую переписку на худой конец? Все мимо. В походе жизнь простого китайского Стратега была проста и, можно даже сказать, безмятежна.

Гоняй себе новобранцев, присматривай за ветеранами, слушай советников, занимайся собой. В смысле, качай тело и ци постоянными упражнениями. Питайся еще хорошо, да. А вечерами, когда слуги, запалив ночные фонари, удалялись, а заранее проинструктированная охрана вип-лица у шатра делала каменные лица...

– Вы сегодня так долго, мой господин?!

В голосе госпожи Чэн Юэлян отчетливо слышалось нетерпение. Тонкой ноткой, спрятанной среди воркующего бархата мурлыкающей кошки. Распробовавшая отдельные аспекты семейной жизни девушка старалась по максимуму использовать каждую ночь, чтобы научиться чему-то новому и пройти по уже изученному материалу.

И главное, не сказать, что я был таким опытным любовником. Что там того опыта – несколько интрижек в студенческие годы, оказавшейся неудачной женитьба плюс некоторый объем (всего-то пара десятков гигабайт!) увлекательной теории, почерпнутой из интернета. Но! Это по меркам моего просвещенного двадцать первого века. Здесь же, в Китае конца второго, секс не то чтобы табуировался – просто оставался за скобками.

О нем не говорили. То есть разудалые гусары, вроде моего Пирата, и вообще мужчины, особенно напившись сливового вина, сплетничали. Но очень общими фразами, намеками и высокохудожественными образами. Типа – с этой низко висящей ветви плод сорвал бы любой! Ну и я не прошел мимо!

Справочная литература тоже имелась. Трактаты – как же, блин, без них. То есть книги, понимаете? Некоторые даже с рисунками. Первые были полны иносказаний, и там без пояснительной бригады можно было всерьез запутаться. Вторые представляли собой застенчиво прорисованные контуры, в которых при должном воображении действительно можно было угадать девичий стан или, например, грудь с задорно торчащим соском.

Другими словами, техническая сторона данного вопроса в этом мире-времени была раскрыта на троечку. И в моем лице Юлька нашла весьма толкового учителя. Сперва, конечно, у нас было очень много сцен со стыдливо опущенными глазами, горящими щеками и тонкими пальчиками, вцепившимися в ткань одежды. А потом... как-то пошло дело! И до того пошло, что меня порой посещали мысли – нечасто, но бывало! – чтобы завести себе еще один шатер. Где можно иногда, чисто разнообразия ради, лечь спать сразу.

– Такая у нас, Стратегов, доля! – провозгласил я пафосно.

Неуловимая тень скользнула с постели мне за спину. Пальцы пробежались по спине, по шее, нырнули под верхний халат.

– Мой господин утомлен дневными трудами, – уха коснулись горячие губы. – Позвольте мне позаботиться о вас!

Оказавшаяся очень талантливой ученицей Юлька часто начинала именно с этой игры. Такая вся из себя раболепная китайская жена, единственная цель которой – служить своему супругу. Но вот эти ее интонации, голос, полный нескрываемого возбуждения, невесомые

ласки – черт! Я порой из халата выпрыгивал, чтобы побыстрее начать. Но нет! Моя принцесса уже знала толк в этих делах.

Одежда с меня была медленно снята. Пропитанная ароматическими маслами влажная ткань прошлась по шее, по спине и груди. Спустилась ниже, к животу...

– Юэ!..

В такие моменты, полагаю, любой нормальный мужчина выглядит забавно. В смысле – вот я весь из себя полководец, четко очерченная линия скул, сурово сжатые губы и полный мудрости взгляд. Картины пиши просто и рассылай потом по музеям для поднятия боевого духа! Еще по рекрутским центра – стань пикинером, спаси Хань!

И всего несколько минут в компании с любимой женщиной делают из этого образцового альфа-самца кусок сырого теста. Из которого тонкие пальчики лепят все, что их хозяйке угодно.

А еще этот вот стон – Юэ! – ну что это такое?! Беспомощный! Так себя ведут победители по жизни, а? Подобный скале, которую не склонит никакой, даже самый яростный ветер, я пришел в этот мир доминировать и повелевать! Но как, черт возьми, сделать это, когда ее руки и губы заставляют меня учащенно дышать и вздрагивать?

Впрочем, когда двое становятся одним, никого не интересует, как это выглядит со стороны.

Спустя... не знаю сколько времени, мокрый, с лицом, на котором застыло выражение обожравшегося сливками кота, я бездумно смотрел на сходящиеся потолочные стропила шатра и... Да никаких «и», если честно! Просто лежал и смотрел.

В ухо что-то нежно мурлыкала Юлька – не знаю, я ни слова не мог разобрать, да и не вслушивался, если честно. Может, она про наши акробатические этюды сейчас говорила, а может – женщина же! – предлагала потолок в шатре покрыть тканью другого цвета.

И такая полнота на меня вдруг свалилась! Вот прямо с неба, сквозь ткань, сквозь стропила! Я лежал и понимал – не думал, а именно понимал, – что нахожусь на своем месте. В паре тысячелетий по временной шкале и в десятке тысяч километров от того места, где родился – а дома! Впереди у меня битвы, за плечом – верные друзья, а рядом – прекраснейшая из женщин! И как-то вот пофиг, что я сам при этом китаец.

С тем я и вырубился. Знаю – некрасиво. Дама, возможно, желала поговорить. Но против естества не попрешь! На пике такого абсолютного умиротворения и счастья попросту невозможно удержаться в реальности и не заснуть.

– Ты бы улыбочку эту с лица стер! – насмешливо проговорил вдруг до боли знакомый, но уже очень давно не слышимый голос.

Я открыл глаза. Нет, неправильно – они и не были закрыты. Я – или моя проекция, неважно – находился сейчас в до боли знакомом месте. В нигде и в никогда. Никогда – у кого я это слово, кстати, встречал? Очень точно определяет временно-пространственные координаты, в которых я находился. Астральный или духовный мир, где раньше я частенько встречался с Милосердной Тысячеликой Богиней по имени Гуаньинь.

– Вот с чего бы? – ворчливо отозвался я. – Имею право, знаешь ли, быть счастливым в браке.

Серебряные колокольчики смеха раздались сразу со всех сторон. Богиня, только что выглядящая как почтенная матрона, мать и хозяйка, вдруг превратилась в смешливую девчонку с веером в руке. Обошла меня по кругу, оценивающе оглядывая. Я вдруг вспомнил, что попал сюда без одежды, и тоже бросил взгляд вниз. Все было в порядке – на мне был вполне себе строгий, можно даже сказать, официальный костюм Стратега.

– Давно не виделись, Алексей, – произнесла девушка. – Скучал?

В ответ я пожал плечами.

– Знаешь, если честно, не до того было. Все эти сражения, марши, управление фракцией. Так что, если честно говорить, нет. Не скучал. Даже, признаться, не вспоминал. Не обидел?

– Вовсе нет.

Какая-то она сегодня приветливая и необидчивая. Не к добру это, ох не к добру. Мы с ней, конечно, здорово поработали над отношениями, она перестала считать меня бессловесным рабом, а я ее – бездушной сукой. Но все равно ощущалось неравенство. Ну, типа, она всемогущая богиня, я смертный человек. Разные уровни. А тут она прямо из кожи лезет, чтобы показать свое расположение.

Последний раз так было, когда она меня в сеттинг «Троецарствия» зазывала. Будет круто, говорила она. Интересная жизнь – сплошное веселье. Не соврала, кстати. Хотя и скрыла довольно много существенных деталей.

– Не пойми меня неправильно, милосердная. Но с чего у нас с тобой вдруг свидание? Насколько я помню, твои деловые партнеры, которые боги, постановили полный запрет на общение со мной.

Было такое, да. Все интриги Короля Ада – Янь-вана. В китайской версии, к слову, он вовсе не Сотона, а просто глава загробной корпорации «Искупаем грехи. Можно дешевле». То есть такой чиновник, следящий за тем, чтобы исправления пороков у каждого человека в его бесконечной цепи перерождений происходило в соответствии с планом.

Но не все так просто. У него с Гуаньинь имелись некоторые шероховатости. Моя покровительница была одержима некой идеей – спасением магии в этом отдельно взятом мире. Глубже я не копал, но цель признавал достойной и помогал, как мог. А вот господин Янь-ван придерживался другой концепции. Не то чтобы прямо против был, а считал, что развитие во всех версиях мультивселенной должно идти самостоятельно и без вмешательства таких могущественных существ, как боги.

Применительно к магии – померла, так померла. Если не выдержала конкуренции с технологиями, научным подходом и прочим виаром – туда ей и дорога. На свалку истории, как говорил один деятель из моего мира. Кстати! А могло быть так, чтобы он принял тогда покровительство Янь-вана? Земли крестьянам, материализм, бога нет и вот это вот все? Никогда с этой точки зрения на этого исторического персонажа не смотрел. А ведь похоже!

Король китайского Ада и ко мне подкатывал. Смени, говорил, покровителя, и будет тебе счастье. Был очень настойчив, даже как-то хитро сделал меня частично одержимым, но я от этого уже исцелился. А когда ответил отказом, стал подляны всякие устраивать. То Бай Гуйцзин пошлет – леди-скелет, такой лич на максималках. То убийц, то сам явится. А под конец даже собрал большой совет всех богов (или как там у них это сборище называлось), обвинил Гуаньинь во вмешательстве в дела людей и продал решение забанить умницу, красавицу и спасительницу магии.

Да еще и сделал это с каким-то подлым в моем отношении условием. Мол, вот пусть тот смертный, которому ты помогала, докажет, что он самостоятелен и вообще дееспособен. А то есть у нас, подруга, подозрения, что ты его на читках тащишь, а это, как известно, не по понятиям. Пусть походит годик без тебя, без твоих советов мудрых, и заодно захватит земель много, чтобы совсем нам не сомневаться в его одаренности.

На это, если мне не изменяет память, совет богов выделил год. Год без права переписки с богиней-покровительницей, которая вдруг явилась примерно на половине установленного срока. А ведь четыре уезда я до сих пор не захватил, подо мной самое большое – два. Хотя, если считать с союзниками, которые раньше были вассалами моего коварного тестя Чэна Шу, а теперь, получается, сделались моими...

– Посчитал? – по-простецки ухмыльнулась богиня. В этот момент она была в образе труженицы рисовых полей – с загорелой дочерна кожей и щербатой улыбкой.

– Посчитал, – кивнул я. – То есть сняли бан?

– Ну, не сказать, чтобы админы были от этого в восторге, но ведь они сами правила озвучили, да? – превратившись в девчонку-гика с синими волосами и пирсингом в нижней губе, ответила Гуаньинь. – Так что – больше никаких предъяв и хейта. Янь-ван утерся и ушел в свой нижний мир. Сидит такой в озере серы и – плак-плак!

– Ага...

Я немножко завис, когда услышал ответ. Не из-за содержания, а формы. Впервые на моей памяти милосердная говорила так. Словно моя современница-стримерша. И вроде ничего удивительного, она же в свое время для меня виртуальный интерфейс сделала, чтобы помочь овладеть ци-магией, так что в теме шарила – это как минимум. Да и вообще – она же богиня! Тысячерукая, многоликая, живущая сразу во множестве временных потоков, для которой мое тутошнее Троецарствие – лишь одна из множества реальностей. Очень ей интересная, но все-таки – одна из.

Но смушало. Обычно она по-другому со мной разговаривала. Да и я тут привык немного к местному образу выражения мыслей. И вообще, с чего? Она ведь задействует для общения со мной максимум одну тысячную процента от своей оперативки, так зачем эти закидоны тогда? Может, так обозначает радость встречи? Да не!

– Напрягся? – правильно уловила мое настроение Гуаньинь. Дождалась утвердительного кивка – а чего врать-то! – и удовлетворенно покачала головой. – Это хорошо, Алексей. Это правильно. Есть из-за чего. Значит, развил ты в себе правильные инстинкты.

Я помрачнел. Эта ее жизнерадостность вкупе с признанием того факта, что радоваться, в общем, нечему, мне сильно не понравилась. Каждая история, которая начинается с таких вот преувеличенных эмоций, заканчивается для меня не лучшим образом.

– К делу? – предложил я, глядя в смеющиеся глаза морщинистой старухи.

– Ну, к делу, так к делу! – согласилась она, преображаясь в полуобнаженную деву, на голове которой красовались лисьи ушки.

И – перешла. Да еще как! Без всех ее обычных рассуждений о добре и зле – просто и конкретно. Ну ладно, не совсем так. Кое-какую вводную философию она все же использовала.

Равновесие, сказала она, – основа существования мироздания. На каждое действие существует противодействие. «Чем больше сила – тем больше ответственность!» – спасибо, дядя Бэн. А раз так все грамотно устроено, то и успехи ее протеже вызвали ответные шаги у короля ада. Почтенный господин Янь-ван решил повторить опыт милосердной Гуаньинь по созданию своего агента перемен.

Точнее, задумался он об этом давно и даже действовать начал чуть ли не раньше, чем меня богиня из моего мира призвала. Но из тени своего чемпиона вывел только тогда, когда провалился его план дискредитировать соперницу и ее ставленника.

– Я правильно понял, что там, за рекой, меня ждет кто-то, служащий Янь-вану? – уточнил я.

– Верно. Это Стратег, как и ты. Совсем молодой, ему сейчас около восемнадцати лет. Но очень талантливый. Как ты закрыт мной с сегодняшнего дня от короля ада, так и он скрыт от меня им. Но мне удалось узнать, как его зовут господин Чжугэ Лян. Также, несмотря на юные годы, он изрядно продвинулся по Пути и даже обрел среди соратников прозвище Невидимый Дракон. Те, кто знают его, отзываются о молодом Стратеге очень хорошо, называя его одним из самых хитроумных военачальников современности.

– Кунмин, – с серьезной миной протянул я. А потом не выдержал и прыснул.

– Я сказала что-то смешное?

– Прости! Ох, прости, пожалуйста! Это же Кунмин! Свернувшийся дракон Лю Бэя! Хитроумный Чжугэ Лян – герой Троецарствия, изобретатель многозарядных арбалетов и гениальный стратег той эпохи!

Дородная повариха с большим деревянным половником в руке смотрела на меня недоуменно. Богиня все еще не понимала причин для моего веселья.

– Ну, Троецарствие же, милосердная! Книга из моего мира, где...

– Я знаю, о чем ты говоришь, – без улыбки, как бы подчеркивая свое неудовольствие даже от тени подозрения в том, что она может чего-то не знать, произнесла богиня. – Только этот литературный труд не имеет никакого отношения к реальным историческим событиям, произошедшим в твоей родной ветви реальности.

– Вот ты душнила! – не удержался я. Тут же извинился, так как богиня опасно сузила глаза – не любила она панибратства, – и продолжил. – Но ты правда не видишь иронии?

– В том, что человек, ставший чемпионом Янь-вана в этом мире, в твоей реальности является образцом стратегического гения и положительным литературным персонажем? Пожалуй...

В лице при этом она не переменялась. Как робот, ей-богу, ха-ха-ха, это действительно смешно. М-да, анекдоты ей лучше не рассказывать. Юмора не поймет, даже если увидит все скрытые отсылочки. Душнила, как есть!

– Но, если он даже вполтину так хорош, как описан в твоей любимой книге. – продолжила Гуаньинь. – У тебя появился очень достойный противник. А учитывая, что ему покровительствует сам король ада, то это будет, пожалуй, самый твой опасный враг. У меня есть подозрения, что Янь-ван осуществил точно такой же призыв героя из другого мира, как и я. Вполне возможно, он сделал это даже раньше меня. Это объяснило бы его предвзятость по отношению к тебе. Скрывал свой грешок и выпячивал мой.

Ух ты! Еще один попаданец! Тоже, наверное, человек, от «исчезновения которого в мире ничего не изменится»? Погодите-ка... Стоп! То есть у него, получается, тогда и знания о стратегии и тактике будущего есть? И для него каре графа Румянцева не станут чем-то неожиданным?

А если предположить, что король ада призвал не такого раздолбая, как я, а кого-то серьезного? Того, кто готовился, изучал стратегию и тактику не спустя рукава, а со всей серьезностью? Блин, а ведь похоже на то! Восемнадцать лет – и гений стратегии! Да это точно попаданец!

Видя, как меняется мое лицо, Гуаньинь удовлетворенно покачала головой. Мол, молодец. Дошло. Я кивнул в ответ – да, вполне осознал. И даже начал немного бояться. Один только вопрос у меня остался. Если Янь-ван выступает идейным противником магии, то будет ли его чемпион одаренным?

– Неизвестно. – пожала плечами молоденькая китаянка с младенцем на руках. – Король ада может выступать против чего угодно, но он никогда не откажется от оружия, даже если оно ему противно. Да и не противник он магии, как таковой. Там другие причины...

Хотелось мне спросить, что ж там за причины такие, что две божественных сущности сошлись в опосредованной зарубе этой реальности. Но не стал. Знал – не ответит, в лучшем случае с темы съедет. А значит, и время на это тратить не стоит.

– А я вот... – тогда решил я похвастаться. – Десятый разряд взял! Круто, да? Теперь надо срочно искать Великого Мастера, чтобы самому себя не взорвать по незнанию. Нет на примете никого, прекраснейшая?

– Уже послала одного, – небрежно сообщила Гуаньинь, давая понять, что про мои успехи в овладении ци она знает и без рассказов. – Дня через три-четыре нагонит тебя.

– И это уже не будет считаться читами? – уточнил я.

На что богиня пожала плечами и растаяла. А я из этого сделал очень неприятный вывод. Игра пошла по-крупному, раз обычно придерживающаяся правил защитница магии так нагло начала пользоваться админской учеткой. Не знаю, там как у них, в вышних эмпиреях, а для меня такой подход может отказаться губительным.

Но все равно утром я проснулся с довольной улыбкой на лице. Собрал совет и объявил им, что за рекой нас, возможно, ждет самый искусный Стратег в мировой истории – лично Невидимый дракон Чжугэ Лян. После меня, конечно.

Глава 92

Вот бы все мои проблемы решались так просто, думал я, лениво покачиваясь в седле. Круто же! Вчера в обед выяснил, что достиг десятого разряда, то есть вошел в высшую лигу ци-юзеров. Правда, не без нюансов – оказывается, без учителя уровня Великого Мастера я очень быстро скопычусь. Где брать такого – непонятно. Но тут в ночи заявляется богиня, которой не было слышно около полугода, и небрежно так сообщает, что отправила мне сенсея, и тот через несколько дней армию догонит.

Идеально!

Только вот основная причина ее визита была менее приятна. Вообще-то, Гуаньинь приходила, чтобы сообщить о том, что игра пошла по очень большим ставкам, и ее противник – король ада Янь-ван – выставил против меня другого Стратега. И не какого-то там, а Чжугэ Ляна собственной персоной. Юного, но уже с громкой погонялой и, вероятно, впечатляющим послужным списком. К тому же попаданца, с высокой степенью вероятности.

Уже не так круто, верно?

А все, потому что, когда решением твоих проблем боги занимаются лично, получается... Как лечение у врачей в моем мире. В смысле, одно лечим – другое калечим. Все-таки без всех этих Гуаньиней и Янь-ванов было проще. Тоже хватало проблем, но каких-то понятных, что ли.

Взять, к примеру, стотысячную армию на северном берегу Янцзы, которую удалось оставить на переправе. Страшно – да. Но понятно же! Что делать – понятно. А тут... Кунмин этот, будь он неладен! Весь план вторжения, блин, мартышке под хвост! Причем он еще ни шагу в моем направлении не сделал, а уже гадит!

То есть я сам это делаю, но ведь у чувака репутация! Кого попало Невидимым Драконом не назовут. У меня, например, прозвище куда менее пугающее. Какие ассоциации появляются у человека, когда он слышит – на нас идет Белый Тигр? Сила! Благородство! Честность! Милосердие! Другими словами – достойный противник, с которым не в падлу клинки скрестить и силушкой богатырской помериться.

А Невидимый Дракон? Тут без вариантов – ум и хитрость. Не, не так – ХИТРОСТЬ! Такое прозвище дают человеку, у планов которого есть двойное дно, а у того дна – еще одно дно и свои планы. Военачальник с таким позывным точно не сделает того, чего ты от него ждешь. И того, чего не ждешь, он тоже не сделает. Он вообще сделает... Вот что он сделает?

Все демоны китайского ада и Бай Гуйцзин сверху – я уже сам себя запутал! А все потому, что репутация у человека! Он еще и шагу не ступил, а ты уже ошибок наделал, фланг подставил и обозы слил! Его имя...

Так, остановитесь, товарищ Стратег! Вы что-то не в ту степь коня направили. Сам себя зашугал, сижу, понимаешь, в седле и вздрагиваю. Вот чего я завелся? Ну да, Чжугэ Лян. Да, гениальный Стратег. Да, очень возможно, попаданец, у которого в голове не только стратемы Сунь Цзы, но и весь мировой опыт человеческой истории в области тактики и стратегии. Бивали мы таких? Н-да... Таких, если честно, еще не бивали. Все как-то попроще народец был. Эх, да что ж я опять в уныние-то полез?

– О чем задумался мой господин?

Сегодня во время движения армии меня сопровождала Ноу-Ниу. Вольная Лисица, которая осталась в команде даже после того, как было снято связывающее нас проклятье. Не могу сказать, что мы стали прямо друзьями – все-таки она лиса-оборотень, а это, знаете ли, накладывает определенный отпечаток на психику.

Но крепкие приятельские отношения нас связывали. Общие победы и приключения. Собственно, она поэтому и осталась рядом, хотя и была Вольной. Интересно ей было. Так и ска-

зала, когда мы войско Гэ разбили – с вами, господин Вэнь Тай, очень интересно рядом быть. Большие возможности, мол. Ну а я и не против – дурак, что ли, от такого юнита отказываться.

Да и остальные члены моего штаба с ней нашли общий язык. Пират, подозреваю, вообще с Ноу-Ниу периодически спал. Но победами не хвастался, не идиот. Чем хвастать-то? Что нимфоманку завалил? Тоже мне победа!

Напряженные отношения у Лисы были только с моей Юлькой. Точнее, у Юльки с ней – у самой-то оборотницы взгляд на мир был очень, как бы так сказать, легким, вот! То ли моя благоверная ее ревновала (клялась, что нет, но фиг пойми этих женщин!), то ли опасалась за мою жизнь. Хули Цзин, как ни крути, была сущностью ветреной, могла и поменять отношение в процессе.

Вспомнит, например, что по моей милости, точнее, не без моего участия, лишилась девятого хвоста, формального бессмертия и членской карточки клуба возвысившихся Лис. Взгрустнет от этого и – неожиданно! – решит отомстить. Женщина же!

В итоге эти две красавицы пересекались редко. Если рядом со мной находилась Юэ, Ноу-Ниу тусила где-то в другом месте – с Пиратом развлекалась, наверное. Но стоило Юльке, вот как сегодня, засесть в нашем передвижном штабе, чтобы изучить донесения агентов с мест, как лисичка была тут как тут и пристраивалась сбоку от моего коня.

Зато с ней никого из себя изображать не надо было. Когда сожрешь с человеком... с оборотнем то есть, килограмм дерьма, узнаешь его во всех подробностях. Таких, которых порой даже лучшие друзья и возлюбленные не знают. Особенно лучшие друзья и возлюбленные.

– О чем задумался? – хмыкнул я. – О том, что надо садится и переделывать весь план кампании, вот о чем!

– А что не так со старым?

Нашел с кем обсуждать! Ноу-Ниу и планы – это лед и пламень! Вольная – это эмоции, это страсть, это безудержный полет куда-то в неизвестность. Секс, который не повод для знакомства, а часто – прелюдия к обеду. Что ей все эти скучные стратагемы и черточки на бумаге, которыми унылые Стратеги заполняют карты? Нет, она не глупая. И живет давно. И с такими людьми общалась, с которыми рядом блистательный я, так, тля. Ученые, философы и военачальники, про которых каждый китаец знает! Правда, интересовал ее не их ум, да... В общем, другие у нее жизненные интересы.

Тем не менее поговорить с кем-то мне буквально физически требовалось. А то я так себя загоняю, что по приезде к лагерю на той стороне Янцзы приму решение распустить войско и уйти в монастырь в горах по причине полной бесперспективности сопротивления гениальному Чжугэ Ляну.

Что не так с моим старым планом, спрашиваешь? Да прекрасный был план! И против любого другого противника – до сих пор замечательный! Произвести высадку там, где нас не ждут, устроить плацдарм и начать его потихоньку расширять.

Но что сработало бы против господина Гэ, далеко не факт, что сработает против Чжугэ Ляна.

– Видишь ли, я не учел такой вводной, как Стратег, поставленный против меня самим Янь-ваном.

Вольная чихнула. Даже в человеческом обличье у нее это получалось по-лисьи. Или по-собачьи? Лисы же – псовые?

Но чихнула она вовсе не потому, что ей пылинка в нос попала, нет! Щас, ага – позволит эта королева борделей трех прошлых династий какой-то банальной соринке в ее ноздрю залетать! Не, таким образом Ноу-Ниу выражала свое отношение к сказанному мной. И понимай, главное, как хочешь! То ли «Глупости говорите, Стратег! Что вам какой-то ставленник короля ада?», то ли «Ты о чем, вообще, парниша? Какие вводные, какие стратегии? С тобой сама

Вольная Лисица! Победа будет за нами!», а то и вовсе «Да, вы все погибнете, вы же смертные! А я буду жить, поэтому мне чхать на все!»

Но все равно. Лучше уж такой собеседник, чем тот распаниковавшийся всезнайка у меня в голове. Я протянул Лисе платок, мол, вытри носик, прекраснейшая. А сам начал рассказывать о том, как раньше планировал победить. Не для нее, понятное дело. Для себя.

Сейчас у нас наземных сил было, можно сказать, с избытком. Ядро армии – десять полков нового строя, названных здесь «ежами». Ветераны, прекрасно осознавшие, насколько выиграно предложенное мной построение против классических «хвостов Ньюи» и прочих «крыльев журавля». Каждый полк возглавлял одаренный не ниже пятого разряда, а чаще выше. Это решение позволяло мне держать связь с каждым подразделением, а это, дорогие мои, в условиях той антично-средневековой действительности, в которой я нахожусь, дорогого стоило!

Дальше шла легкая стрелковая кавалерия в количестве четырех уже тысяч, под рукой Амазонки, которая за время путешествий со мной по южному Китаю поднялась в разряде уже до семерки. Ударная конница под Пиратом – две тысячи. Союзная конница Бешеной Цань – десять тысяч. Итого – пятьдесят шесть тысяч пеших и конных, на которых можно рассчитывать.

Это были нормальные войска. В том смысле, что надежные. Обычные люди, но уже бывавшие в боях, умевшие собираться в новый строй и знавшие меня. Дальше я принялся перечислять Ноу-Ниу ополчение, которое от сильного ветра побежит. Шесть не обученных «ежей» из подгонов союзников, добровольцев и дезертиров господина Гэ – двадцать четыре тысячи. Почти восемь тысяч человек, которых пока вооружили только луками или простенькими арбалетами. В сумме – тридцать две тысячи человек.

Пока не трогаем небольшую армию Стража Великой реки, сказал я. Там стрелки на речных крепостях, которые в линейном сражении нам погоды не сделают, зато способны пресечь переправу во много раз превосходящих сил противника. Так же не включаем в подсчет небольшие гарнизоны в городах, союзные дружины, которые то ли есть, то ли нет. Джонки Бешеной с морпехами на борту – тоже пока не знаю, считать или нет.

Получается, что на тот берег я переправляю почти девяносто тысяч воинов. Но по факту – чуть больше пятидесяти. Этого, по моему мнению, было вполне достаточно, чтобы отжать немного земли на северном берегу, а создав плацдарм – двинуться дальше. Было достаточно. До появления в уравнении такого неизвестного, как Чжугэ Лян.

Здесь я вздохнул, удостоился еще одного чиха оборотницы и продолжил.

– Политический расклад у нас очень удачный. Но только, если в обороне сидеть и на чужой берег не ходить. А это у нас – что? Правильно, это у нас путь в никуда! Так вот царство У и досиделось в свое время. Типа – приходите к нам! И что? Битву у Красной Скалы они, конечно, выиграли, но политика самоизоляции – ты это не хуже меня знаешь – никого до добра не доводила. Согласна?

Ноу-Ниу улыбнулась. Обольстительно. Нет, она не собиралась меня совращать, у нас с ней это пройденный этап – и не лучшим образом пройденный. Просто это любвеобильное существо из китайской мифологии имело только два вида улыбки. Вот такой, как сейчас продемонстрировала. И оскал. Так что лучше пусть первый вариант, да.

А вообще, ей явно побоку были все мои размышления. Но Лисичка меня по-своему любила, а потому не хотела обидеть. И делала вид, что внимательно слушает. Небось, не первый я у нее, кто любит поговорить сам с собой. Наловчилась за столько-то лет.

– Вот и я так думаю, – продолжил я. – Политическая карта Юга у нас неплохая. Тестюшка в сознание пришел и козни строить перестал. Вассалы его ко мне отошли. Пока, конечно, с них больше мороки, чем пользы, но Юлька им ума даст, можешь даже не сомневаться! А где моей прекрасной супруги не хватит, там Матушка И с Мытарем подмогнут. Так что будут по струнке

ходить и спрашивать, как высоко прыгать. Но только пока мы на своей земле. Когда сунемся за реку – расклады поменяются.

– Почему? – спросила Лиса, кажется, всерьез заинтересовавшись этим вопросом. А может, это я придумал и сам в своей голове ее реплику себе озвучил. Просто чтобы размышлять было комфортнее.

– А потому, драгоценная моя Ноу-Ниу, что здесь мы защитники, а там – агрессоры. На южном берегу порядок какой-никакой, экономика работает, поля не вытаптываются. Солдаты получают жалование, его есть куда потратить. Тылы прикрыты, опять же. Любой крестьянин прибежит, стоит ему только увидеть отряд врага. А все потому, что она знает – мы его защищаем. Налоги свои, конечно, но и его тоже. А на северном берегу будет иначе. Там на нас будут доносить. Пути снабжения будут растягиваться. Провиант чтобы собрать, придется фуражировкой заниматься. А ты знаешь, красавица, что такое фуражировка? Это то же самое, что грабеж, только за него в случае победы могут рассчитаться по векселю.

– Но это еще полбеда, – продолжил я, когда моя собеседница кивнула, чтобы продемонстрировать свое неослабевающее внимание. – Главный затык в том, что я никому из своих вассалов не верю. Кот из дому – мыши в пляс, понимаешь? Им выгоднее меня слить, ну, пообещать поддержку, а потом сослаться на разлившиеся рисовые поля, которые размывли все дороги. И не прийти. Они же уверены, эти недалекие товарищи, что река будет их вечно защищать! А это не так! Вот я это понимаю, ты это понимаешь, а они – нет.

Вольная улыбнулась. Мол, да, уж я-то в таких вещах понимаю. А меня уже несло дальше. Про наряд сил и средств, который есть у господина Гэ до сих пор, несмотря на сокрушительное поражение при переправе. Про то, что тамошние заречные князья тоже, вероятнее всего, будут не в восторге от явления Белого Тигра Юга – что может послужить объединяющим фактором. И что я тогда буду делать со своими пятьюдесятью тысячами ветеранов, незамирным до конца тылом и в нагрузку еще и Чжугэ Ляном? В триста спартанцев играть? Так у меня нет кожаных трусов!

– При чем тут кожаные трусы? – уточнила Ноу-Ниу.

Я рассмеялся. Ну, конечно! Кому что, а девушкам про нижнее белье интереснее послушать, чем про ситуацию на театре военных действий. Скорее всего, она ничего другого и не услышала. Так, кивала в такт словам и полуспала в седле. Но прозвучало слово-триггер, и она пробудилась.

В порядке бреда рассказал ей про далекую страну Спарту (где-то за горами, снова за горами и потом вообще в горах). Про живущих там суровых воинов, которые пренебрегают доспехами, поражая воображение врага своей развитой грудной мышцей. Носят они из всей одежды только трусы из кожи и шлемы на головах, и нет никого, кто сможет справиться с ними, когда набирается их триста человек.

Глазки у Лисы масляно заблестели. Она явно хорошо представила эту картину: триста накачанных мужиков в кожаных труселях – и она. Потом пару раз стукнула меня ладонью по плечу, называя обманщиком. Дескать, не может такого быть!

– Это почему это?! – делано возмутился я. – Сам видел. Царя ихнего Леонидом кличут.

– Триста одаренных высокого разряда, – хмыкнула Лиса, без труда вскрывая мой обман. – Все Воины или Стражи, судя по пренебрежению доспехами. В одном месте. Без Героя, Стрелка и даже Стратега? Да они бы город удержать не смогли, не то что целую страну. Враки, молодой господин Вэнь!

Я снова рассмеялся, удивляясь про себя тому, как по-разному работают наши мозги. Я бы назвал свой рассказ враньем по другой причине. А вот она приняла во внимание одаренность, ее спецификацию и на том сделала вывод – триста Великих Воинов не способны ни к чему толковому и осмысленному. Слишком сильна в них тяга к разрушению и решению проблем самыми что ни на есть простыми способами.

И ведь права была на все сто! Вот взять моего Быка. Он не глупый, но сила заставляет его решать практически все вопросы именно мышцей. А к чему может прийти государство, которое только так делает дела? Только гармонично развивая... Тьфу ты! Уже не только говорить, как этнический ханец начал, но и думать!

– А ну-ка погоди-ка... – застыл я вдруг в седле изваянием.

Шуточка, которую я отпустил просто для того, чтобы немного отвлечься от гнетущих мыслей, привела к парадоксальному результату. Ноу-Ниу, сама того не понимая, натолкнула меня на решение проблемы Чжугэ Ляна. Точнее сказать – его предполагаемого попаданчества и такой же предполагаемой гениальности.

Я чем себя замордовал? Решил, что раз упомянутый Кунмин в восемнадцать с небольшим лет настолько крут, что его называют Невидимым Драконом, значит, он плюс-минус – попаданец. А раз он попаданец, то Янь-ван точно выдернул его из того же мира-времени, что и Гуаньинь меня – ведь подобное подобным, да? И коли так, а я себя в этом уже успел убедить, то он знает то же, что знаю и я (предположим, больше и лучше, но это детали). Главное, что этот тип знает то, чего не может знать никто в Китае конца второго века.

Но это можно легко проверить! И вот тут нам на помощь приходят кожаные стринги спартанцев!

В смысле, нет – я не собираюсь своих воинов переодевать в форму бойцов царя Леонида – для начала на китайцах это смотрелось бы жалко! И вообще, речь не о трусах, хотя, признаю, говорю о них я много. Но саму мысль уловили? Нет? Ну как же?

Я смогу вычислить его по реакции на что-то знакомое ему, но неизвестное в этой реальности. Покажу трусы... да что ж такое, что они ко мне прилепились-то?! Я имел в виду, покажу ему некий тактический манер, который узнать может только попаданец. И когда он на него среагирует так, как надо, например, увидит ловушку, которую может заподозрить только человек, который читал Википедию, я буду точно знать, откуда его на мою голову откапал Янь-ван.

А главное – так же его и бить можно! Ведь знание, несомненно, – сила, но, кроме того, еще и слабость! Шаблонность мышления, точнее. Но об этом позже. Для начала нужно выяснить – точно он попаданец или нет. А то накрутил себя уже!

Решив таким образом проблему, я стал смотреть по сторонам куда веселее. Водная гладь, тянущаяся по левую руку, начала радостно стрелять по глазам солнечными зайчиками, вездесущая пыль, которая на самом деле чужая энергия, принялась складываться в знаки победы, а новобранцы, марширующие по дороге бесконечной змеей, стали выглядеть как-то надежнее и опытнее.

«Втащим! – с появившейся уверенностью подумал я. – Подумаешь, Чжугэ Лян! Вообще, нельзя верить всему написанному в „Троецарствии“ – это же сказка по мотивам, а не исторический труд!»

Впрочем, продержалось мое хорошее настроение недолго. Ровно до того момента, пока я не разглядел густые клубы дыма, поднимающиеся в небо с того места, где была установлена паромная станция. И до появления гонца, который спрыгнул с коня, сообщая, что место посадки моих войск на реке атаковано.

Глава 93

Почему-то, даже странно как-то, я был уверен, что ситуацией на южном берегу Янцзы мы владели полностью. В обе стороны от армии и от паромной переправы постоянно ходили патрули, мимо которых могли проскользнуть один-два человека, но никак не отряд, способный атаковать укрепленный лагерь. С реки позиции тоже были прикрыты флотом. Так откуда тогда, простите, пришел враг, который на нас напал?

– Сколько у нападающих сил? – спросил я у гонца с паромной переправы.

Спросил с таким лицом, будто реально мне вообще пофиг. Ну напали, ну пожгли что-то там. Не те вопросы, что могут меня взволновать. Хотя, конечно, на самом деле я психанул. И, естественно, сразу же стал грешить на этого Кунмина, будь он неладен! Такая вот кривая штука – человеческая психология. Не знал бы про ставленника короля ада и не волновался бы. Узнал – и больше мне нет покоя. Каждая неудача теперь становится в моей голове его победой.

Ведь реально – я еще ничего не знаю о происходящем, только дым в небе и сообщение об атаке, а уже зачислил этот ход на счет своего злого гения, Стратега Чжугэ! Это... Это мания какая-то!

– Неизвестно... – виновато потупился гонец. – Но ясно, что у противника есть сильный одаренный! Командир гарнизона сразу отправил меня к вам, чтобы армия не попала в засаду.

Неизвестно! Это как вообще так?! Это армия, мать вашу, или детский сад на походе в парк?! Что значит – неизвестно?! Как «неизвестные» силы смогли подобраться к нашим позициям? Как смогли ударить так, что командир гарнизона аж запереживал за засаду? Чем он, драть его веником, занимается вместо службы?!

Но орать, конечно, я не стал – нафиг такой урон престижу? Вдохнул, потер переносицу и взмахом руки велел дать понять посыльному, что лучше бы ему скрыться с глаз долой, пока я его к чертям не прибил.

Пока я принимал доклад – ну как доклад? Какую-то невнятицу! – отряд войсковой разведки, который пропустил гонца с сообщением, уже успел метнуться до места происшествия и вернуться. Правда, со столь же невразумительными подробностями.

– Горит склад продовольствия, Стратег, – решила лично доложиться Гу Вайцзинь, воевательница и Стрелок. – В самом расположении войск суматоха, но, простите меня, я не увидела нападавших. Только... наших солдат.

Еще, блин, страннее. Если Амазонка, опытный разведчик, не понимает, что произошло, то мне что делать? Они что там, решили подраться друг с другом? Может быть, новобранцы, которых у меня в войсках много, оказались шпионами Чжугэ Ляна, решившего развалить мою армию изнутри? Устроил такой «Приказ 66³», чтобы в четко означенное время все, кем пополнились ряды моей армии, ударили? Нет, ну это слишком круто даже для Невидимого дракона! Или нет?

Но стоять на месте и ждать у моря погоды тоже нельзя. Так можно дожидаться и поражения. Поэтому, руководствуясь древним принципом – не знаешь, что делать, делай что-нибудь, – я приказал охране следовать за мной и помчался, огибая замершую на дороге колонну, в сторону паромной переправы. Поругал себя немного за безрассудность, но решил, что Стратегу десятого разряда в компании полусотни тяжелой кавалерии, нескольких одаренных, а также легендарной Хули Цзин вряд ли что-то грозит.

Да и вообще! Я же не собирался в бучу лезть, не разобравшись. Просто расстояние для «небесного взора» было запредельным. Нужно было поближе подобраться.

³ Приказ 66 – внедренное в сознание клонов распоряжение уничтожить всех джедаев. Звездные войны.

В трех ли я остановил коня и прямо из седла «выстрелил» свой дух в небо. Рванул к паромной переправе, не обнаруживая пока никакого неприятеля. Только форменный бедлам. Одни солдаты бежали в центр лагеря, другие – из центра. Младшие командиры пытались все это безумие как-то упорядочить, но получалось так себе. Бойцы, делавшие ноги, что-то яростно им объясняли, тыкая рукой назад. Типа – там капец, командир, мы все обречены!

«Неужто опять Заклинатели? – подумал я, пикируя к сердцу лагеря, которым, согласно уставу, являлась площадка для построений. – Только от них мои воины так увлеченно драпали».

На плацу обнаружилась следующая картина. Несколько квадратов пехоты стояли в построении «еж», ошетилившись во все стороны. Но не просто стояли, а увлеченно тыкали копьями и алебардами в воздух перед собой, словно сдерживали напор врага. И, что характерно, порой даже получали из этого воздуха ответки. Мертвых я не увидел, а вот множество раненых, которых товарищи сразу же старались затащить в глубь строя, да.

«Точно – призраки! – чувствуя в душе поднимающуюся волну ярости, подумал я. – Ох, как же я вас, тварей, ненавижу!»

Не призраков, конечно, Заклинателей и Призывателей. Всех тех неправильных колдунов, появившихся в стройной системе китайской магии после восстания Желтых повязок. Ритуалистов, не брезговавших человеческими жертвоприношениями, результат камланий которых всегда стоил мне больших потерь.

Но главное – никаких войск противника, незаметно просочившихся на территорию охраняемого лагеря, я не увидел. Зря, значит, гнал на парней, не забыли они устава гарнизонно-караульной службы. Колдун – одиночка. Ну, может, небольшая группа Призывателей, которая прячется где-то неподалеку. Правда, урона он или они нанесли уже как лихая конная атака на спящий лагерь!

И, похоже, не собирались останавливаться. Невидимки (духи они или нет – не знаю), потихоньку заставляли моих бойцов двигаться друг к другу. Уж не знаю, кого видели солдаты, однако тыкали копьями они весьма энергично. Что не оставляло ни капли сомнений в том, что, сблизившись, они начнут бить уже своих братьев.

Быстрое возвращение в тело привело к тому, что голова слегка закружилась. Не обращая на это внимания, лишь покрепче ухватив поводья, я приказал двигаться на лагерь, надеясь, что успею до резни. Галопом, не жалея лошадей, мы ворвались внутрь. Мне вновь потребовалось остановиться, чтобы применить технику «небесного взора», побратимы же, Бык и Пират, бросились к плацу. Лиса тоже, только предварительно отошла от верховых животных и превратилась в роскошного зверя с черной шерстью.

Расстояние уже позволяло, так что вместе с обзорной я использовал еще и командную способность.

– Воины Вэнь! – проревел я, и бойцы, отбивающиеся от невидимок, принялись задираť головы к небу. – Глухая оборона! Оружие на изготовку! Удары не наносить!

Я уже давно понял, что солдаты, особенно в горячке боя, не могли мыслить категориями отвлеченными, требовавшими подключения мозгов. Годились только простые понятия: вперед, назад, бей их, беги. Остальное просто влетало в одно ухо и вылетало через другое.

Поэтому я не стал орать, что, мол, то, что вы видите, – это нереально. Просто мара, которую насили на вас злобные заклинатели-призыватели. И если не остановитесь, то начнете уже реальных людей на копыя насаживать. Своих товарищей боевых. Которые, к слову, будут делать то же самое.

Дисциплинированные воины четко выполнили приказ. Замерли, укрывшись за щитами, а копыя выставив вперед параллельно земле. Они, судя по всему, продолжали видеть своих воображаемых врагов, вон как глаза сверкают из-под шлемов да желваки ходят. Но стоят. Молодцы.

Я, пока скакал сюда, решил, что имеем мы дело с разновидностью призраков, которых на нас насылали вожди Желтых. Ничего особо опасного, но ужас сеют неконтролируемый. Случись моим «коробочкам» увидеть их в пылу сражения, катастрофы было бы не избежать. Начали бы строй ломать, под стрелы и копья вражеские подставляться, ну и погибли бы все до одного.

Здесь же неприятеля не было вовсе, так что я рассудил, что пусть бойцы постоят без движения. А там либо сила у Заклинателя иссякнет, либо мы его найдем и прикончим. И решится это все без жертв с моей стороны.

Но, как выяснилось несколько мгновений спустя, что-то я понял неправильно. Воины стояли, дергались, когда им в щиты прилетали удары, и даже получали ранения. То у одного из солдат появлялся порез на щеке, то второй падал на колено, когда ему пронзали чем-то невидимым ногу.

Получается, это не иллюзия, не призрачные мертвецы, которые ничем тебе не могут навредить? А что же тогда? Там, между несколькими коробками моей пехоты, и правда находятся невидимые враги?

– Братья! – не выходя из режима наблюдения, крикнул я. – Ищите колдуна, он где-то рядом! Воины, держать строй!

Сам тоже стал зыркать своими астральными глазками, выискивая вражину. Вихрем пролетел над местом сражения, пошуршал по палаткам, окружающим плац, но так никого и не обнаружил. Между тем злоумышленники были совсем радом. Техника, которой они управляли, не могла применяться издалека.

Чувствуя, как истекает время пребывания в астральном теле, я вернулся в себя. Заставил себя спокойно сидеть и думать, хотя больше всего хотелось куда-нибудь бежать и хоть что-то делать. Но я же Стратег! Стратеги как оглашенные не бегают!

«Думай, голова! Думай! – твердил я, наблюдая за тем, как прибывшие со мной командиры наводят порядок среди здешнего гарнизона и отправляют сбитых в группы солдат с младшими офицерами в оцепление лагеря. – Куплю тебе нефритовую заколку! Как у императора! Думай!»

Ничего, правда, не придумывалось. Солдаты в коробках продолжали получать ранения – я понимал это, слыша вскрики боли, – но все еще держали строй. Новые силы им на подмогу я отправлять опасался, чтобы не спровоцировать «дружеский огонь». Да и потом, не был я уверен в том, что это хоть как-то поможет.

Побратимы и еще куча людей бодро носились среди палаток, переворачивая все в них верх дном, а я только и мог, что сидеть в седле, закрытый со всех сторон телохранителями, и пялиться на цветную ци, витающую над головами огромного количества живых.

– Так... – протянул вдруг я, поймав за хвост скользкую рыбину убегающей мысли. – А если?..

Что, если попробовать поискать среди этих энергетических потоков. Вроде ци же есть у всех, значит, и колдунство на нем работает. Но ци неодаренных блеклое, едва заметное. Когда смотришь, например, на роту солдат, она выглядит как поднятая их сапогами пыль. У развитых же одаренных она была более густой и плотной. Больше похожая уже на смесь песка и тумана, чем на дорожную пыль. Поэтому логично было бы предположить, что у злоумышленников она тоже будет плотной.

Если так – дело за малым. Вычленив энергетические потоки одного или нескольких людей среди буйства цветной пыли. Никогда прежде этого не делая. Фигня!

Как уже опытный одаренный, не полагающийся на костыли виртуального интерфейса богини, я не бросился сразу искать черную и злобную ци атаковавших нас колдунов. Вместо этого я сосредоточился на том, чтобы выделить энергию, висящую над моими друзьями.

Точнее, ориентируясь на вопли Быка, который предлагал всем нехорошим людям срочно выйти из Сумрака и получить на орехи, нашел его ярко-зеленый смерч. Потом так же обна-

ружил терракотовое облачко самума там, где ломал палатки Пират. И только после этого, разобравшись с закономерностями, стал искать другие подобные уплотнения среди всей этой взвеси.

Пару раз я наткнулся на что-то подозрительное, на поверку оказывавшееся другими моими ближниками. И, наконец, нашел толстый, но почти невидимый желтый хлыст, тянувшийся от центра плаца куда-то за границы лагеря. Как запредельно длинный удав – по самой земле.

– За мной! – приказал я гвардейцам, пуская коня вскачь.

Капитанов своих пока решил не дергать – вдруг опять ошибка вышла. Может, это Матушка И так фонит, я же помню, что у нее цвет ци плюс-минус такой же. В общем, сперва нужно проверить, а потом уже кричать, какой я гениальный. А охране ничего и объяснять не надо – куда я, туда и они.

Но чем дальше я шел по следу, тем больше убеждался в том, что старушка-особистка к этому шлангу никакого отношения не имеет. От ее желтизны шло тепло Солнца, и жить хотелось, а эта дрянь смердела как нечистоты покойника.

Болезненно-желтая путеводная нить вышла за ограду лагеря, свернула к пристани и уткнулась в штабеля толстых бамбуковых стволов, уже подготовленных к увязыванию в плоты. Самый ходовой строительный материал здесь, на юге. Дешево и сердито – очень по-китайски. Растет быстро, сам по себе прочный и легкий, в воде почти не гниет. А если его вот так, как сейчас, уложить, то еще и укрытие хорошее. И от взгляда любопытного, и от стрелы острой.

Жестами я скомандовал, чтобы несколько всадников-гвардейцев обогнули штабеля древесины с обеих сторон. Дополнительно еще знак дал – живыми брать. Ваньку-ординарца за рукав придержал – храбрый мой порученец явно решил, что его эти приказы тоже касались. Отсчитал двадцать ударов сердца, услышал звуки ударов, крики, после чего и сам въехал за укрытие. Обнаружив там милую моему диктаторскому сердцу картину: трех оглушенных, но, несомненно, живых пока людей. Суда по одежде – обычных крестьян, из числа привлеченных к стройке.

Желтый канал ци вел только к одному из них – благообразному дедушке, чьи седые волосы сейчас пропитались кровью. Такого встретишь на улице в городе или вот тут, в порту, и сразу же захочешь... не знаю – еды дать, а потом через дорогу перевести. Лицо такое светлое, видно, что улыбочное. Божий одуванчик, короче.

– Ну и что тут у нас? – произнес я, спешиваясь. – Колдуны, никак? Боец, деда связать покрепче, рот замотать и глаза тоже. А этих двоих в чувство привести – говорить будем.

Что мне нравилось в китайцах, так это их врожденное умение и желание заботиться о начальстве. Причем не угодливость, как это смотрелось бы у русских или, к примеру, англичан, а именно забота. Смотрят гвардейцы – Стратег с коня сошел, сейчас будет допрос вести. Занятой, между прочим, человек, а сам, не побрезговал! Давай мы ему хоть условия нормальные обеспечим, а, брат Ван? Дело говоришь, брат Ли! И не успел я пары шагов сделать, как двое воинов быстренько соорудили мне походный табурет из запчастей, что с собой в седельных сумках возили, а над ним водрузили простенький, но вполне спасающий от солнца бумажный зонтик. Все это без каких-либо указаний со стороны даже ординарца.

И не то чтобы мне прямо вот хотелось снять задницу с седла и тут же водрузить ее на стул, но люди ведь старались. О моем удобстве позаботились! Я был бы свиньей неблагодарной, если бы этот жест заботы просто проигнорировал.

Уселся. дождался, пока двух «крестьян» помоложе приведут в чувство. Еще чуть-чуть подождал – воины как раз доходчиво объясняли им преимущество сотрудничества перед запирательством. Кивнул, хватит, мол, ребята уже готовы общаться. И с теплой улыбкой произнес:

– Кто этот старикан?

Терпеливо подождал, но отвечать никто не спешил. С первого раза никогда никто не отвечает. Поэтому хорошо, что у нас некоторый избыток пленных образовался. Я выбрал того, у которого лицо поумнее, и кивнул на другого, явно в этой команде обеспечивающего функции силового взаимодействия. Крепкий такой мужик, лет тридцать пять-сорок. Был.

Когда его тело с перерезанной глоткой упало на землю, а теплая кровь оросила лицо второго пойманного нами помощника колдуна, я снова повторил вопрос:

– Кто этот старик?

И пленник тут же начал говорить. Про то, что сам он слуга, просто слуга и ничего такого не делал. Что только еду готовил, одежду стирал, а еще он знает травы – разные травы! От болезней, от плохого настроения, от мужского бессилия и женского нежелания. Другими словами, старательно доносил до меня, что человек он очень полезный, и лучше бы его оставить в живых, поскольку – ну где еще найти такого преданного и расторопного слугу?

А про старика он расскажет, как не рассказать – он ведь ему уже который год служит. Одежду стирает, еду готовит, травы, опять же... Заклинатель это, да-да. Яомо⁴ Сяо. Нет, это не настоящее его имя, прозвище. Очень сильный маг, да. Знает множество ритуалов, повелевает духами и может насылать видения. Какие ведения, господин? Ну, чтобы люди видели то, чего нет на самом деле. И настолько в это увиденное верили, что оно для них становилось настоящим!

Вот пожелай он – и явится всем здесь страшный зверь Яогуай⁵. На самом деле его не будет, но мы все будем уверены, что он есть. Насолько уверимся в это, что, когда зверь этот лапой взмахнет – у нас кишки, простите, господин, вывалятся. Вот так.

Пока слуга говорил, через окружающих меня стражей просочилась Ноу-Ниу в человеческом уже обличье.

– М-м-м! – протянула она, изящным своим носиком обнюхивая связанного старика. – Какое изысканное... какой интересный у тебя пленник, господин Вэнь!

– Фу! – автоматически отреагировал я. – Он мне еще нужен!

⁴ Яомо – нечистая сила.

⁵ Яогуай – чудовище, демон.

Глава 94

Ноу-Ниу сразу обиделась. Такую мордашу состряпала – мне прямо стыдно стало.

«Ничего такого я не хотела, и в мыслях не было! С чего вы вообще, господин Стратег, решили, что я ваших пленных на чистое ци буду перерабатывать! А вы на меня так грубо – фу! Я же вам не собачка какая-то, Вольная Лисица, на минуточку! И женщина красивая, с прекрасным характером, и вообще!»

Так-то я уже и сам сообразил, что несколько перегнул палку. Кадры, как говаривали разные государственные деятели, решали все, а я только что одному из самых ценных по носу палкой стукнул. Но и извиняться прямо сейчас было нельзя – и с пленником ерунда получится, и проклятые китайские традиции не дают! Нет, в культуре ханьцев не было запрета на извинения, плохо воспринимались они, только когда исходили от высшего к низшему. Точнее... Блин, как объяснить-то?

Пример: если сейчас скажу «прости, Лиса», то сделаю только хуже. Я ведь таким образом не только свою неправоту на людях признаю, но еще и прогнусь под подчиненного. В европейской традиции, густо замешанной на христианстве, в этом нет ничего крамольного, даже поощряется – на словах, по крайней мере. А у азиатов, в частности у китайцев, все это работает по-другому. Напрямую произнести слова покаяния старший по статусу может, но тем испортит себе карму и вообще подставится страшно. Потеряет лицо – вот!

В таких случаях, когда накосячишь, правильнее всего сделать морду кирпичом и вести себя так, словно ничего и не случилось вовсе. А потом втихаря, один на один – нет, не извиниться! – сделать обиженной стороне какой-нибудь подарок. Сообразный. Типа, кстати, вот брильянтик, все хотел тебе подарить, да дела-дела – забыл! И оскорбленный тобой человек поймет, что ты чувствуешь вину.

Если возьмет – значит, простил. Начнет нести всякий вздор про «очень дорогой подарок» и «я не достоин такой чести» – обиду затаил. И вот тогда бывшего друга и соратника нужно от себя быстренько удалять, рушить все связи, а в моем случае – вообще убивать. Потому что азиаты. Они ой как умеют долго холить и лелеять свои обиды, жизнь на это могут положить. Про сорок семь ронинов слышали? Вот! Там, правда, японцы, но пример понятен, да?

Поэтому я холодно оглядел Лисицу и попросил ее удалиться.

– Вы мне мешаете, госпожа Лиса. Поговорим позже.

Надеюсь, что поговорим. А то вернусь к своим, а они скажут – нету с нами больше Ноу-Ниу! В зверя перекинулась и к лесу побежала, только мы ее и видели.

– Простите меня, Стратег, – тоже превратив свое личико в фарфоровую маску, поклонилась оборотница, и покинула собрание. Правила этой игры она знала получше меня.

– Продолжим, – велел я говорливому слуге, создателю невидимых чудовищ.

Попутно связался с капитанами и сообщил, что злодея задержал, сам в порядке. Бык ото-звался первым, сказав, что больше глупостями мои воины не занимаются и воздух не копьями не колют. Что ж, значит, я все сделал правильно!

– Но я рассказал все, что знал, господин! Я просто служил старому господину и не причастен к тому, что он делал!

– Но видел, как он колдует, верно?

Осторожный кивок.

– Тогда просто скажи мне, как он это делает? Ему нужно чертить на земле или в воздухе тайные знаки? Произносить магические формулы? Видеть того, на кого насылает свои чары? В чем таится его сила? Если я сниму повязку с его глаз, он найдет на меня яогувая? Заставит видеть невидимое?

Слуга не сразу, но сообразил, чего я от него хочу. Сейчас старик лежал спелёнатый, как младенец в люльке, и точно ничем не мог нам навредить. Но я, как и мои гвардейцы, понятия не имел, что случится, если позволить ему говорить или видеть. Вдруг парой слов активизирует секретную технику, и мы тут все перебьем друг друга?

А допросить его надо. Слуга ничего полезного нам рассказать не способен, а я очень хочу узнать, кто и как решил меня таким вот образом прощупать. У господина Гэ нашлись лишние деньги на такого интересного наемника или передо мной человек господина Чжугэ? Не свой же собственный он мальчик! То есть дедушка.

– Нет, господин! – закрутил головой пленник. – Ничего такого! Старик Сяо к каждому делу готовил долгий ритуал. Ему нужно было собрать множество ингредиентов, выбрать подходящее для этого место и время, и только потом...

– Это хорошо, – качнул я головой. – То есть он беззащитен?

– Нет-нет, господин! Он очень опасен! В складки халата у него вшиты множество тайных подкладок. Там хранятся магические амулеты. Их он использует для защиты и нападения. И глаза я бы ему не развязывал – опасные у него глаза!

Слуга, кажется, решил полностью слить своего господина. Наверное, не любил его никогда, но и бросить боялся. Но меня боялся еще больше, да и наглядная демонстрация с перерезанием глотки товарищу сыграла свою роль.

– Как это – опасные? – подбодрил я его. – Сглазить может?

– В глаза посмотреть и все тайны ваши узнать, – искренне, как мне показалось, прошептал пленник.

«Еще и телепат! – подумал я. – Читерство какое-то!»

Знаком велел болтуну замолчать, сам же стянул со рта старика тряпку и пару раз звонко хлопнул его по щекам.

– Просыпайся, творец яогуаев!

Повязку на глазах решил не трогать. На всякий случай.

Пленник тут же очнулся, заизвивался, но довольно быстро сообразил, что связан крепко. Тотчас прекратил крутиться, вместо этого безошибочно повернул голову в мою сторону.

– Есть хорошая новость и плохая, – сказал я, на всякий случай держа наготове технику «плащ полководца». – Хорошая – ты можешь остаться в живых. Для этого тебе лишь нужно рассказать, кто тебя ко мне послал. Плохая – я не настолько заинтересован в этой информации, чтобы выслушивать твоё вранье и торговаться. Прирезать тебя все-таки проще, чем рисковать и верить.

– Так зачем мы тогда говорим? – без капли страха в голосе ухмыльнулся старик. Зря, кстати, зубов у него немного осталось, и зрелище получилось то еще.

– Затем, что убить тебя я всегда успею. Но могу и изменить свое решение. Я ведь правильно понимаю, что ты лишь помощник сил, пославших тебя? Наемник то есть? Скажи, кто отправил тебя на эту диверсию, и я оставлю тебе жизнь. К исполнителям у меня претензий нет.

– Зачем обманываете старого человека, господин Вэнь? – ничего не видящий пленник все же смог меня опознать. Хотя большого ума это не требовало.

– Почему же?

– Всем известно, что вы охотитесь на Заклинателей и Призывателей, – ответил пленник. – Убиваете всех, кто попадает к вам в руки.

Вот как? Всем, значит, известно, а я не в курсе? И что я такого сделал, чтобы обвинять меня в геноциде магической прослойки общества нетрадиционной ориентации? Нет, ну так-то имелась на моем счету парочка ритуалистов, но это другое! Они просто были моими противниками, причем очень опасными. Оставлять их в живых было нельзя!

– Значит, добром говорить не будем?

– О чем? О том, кто меня нанял? Не, этого я вам не скажу – просто не знаю. Заказ пришел от посредника, с которым я давно работал, его имя и местожительство я тоже не назову, поскольку знаком с ним лишь через получаемые письма. Подписывается он как Смеющийся Бо, а деньги за работу я обнаруживаю в алтаре маленького деревенского храма. Вы мне, скорее всего, не поверите, и приметесь пытаться. Боли я боюсь, и это могло бы помочь, говори я неправду. Но я уже немолод – вы быстрее убьете меня, чем услышите то, что желаете. Я долго жил, господин Вэнь, и считаю себя готовым уйти на перерождение.

Основательный какой, зараза! Все раскидал, да так грамотно, что любому бы стало понятно – вытрясти сведения из его морщинистой шкуры вряд ли удастся. Любому, но не мне. У нас, у Стратегов, всегда есть запасной план. Ну, я надеялся, что это действительно запасной план.

– А если я скажу, что никакого перерождения вам не видать? У меня, знаете ли, есть одна знакомая Лисица, вы должны знать об этом. Так вот, того, что останется после ее трапезы, не хватит и на воплощение в цветок. Так что давайте перестанем ходить вокруг да около и перейдем уже к делу. Вы назовете мне нанимателя, я оставлю вам жизнь.

В конце концов диверсия не удалась. То есть склад-то он поджег (или даже охранники, которым он внушил какую-нибудь ерунду, сами это сделали), да и воины мои устроили дурной флешмоб с пронзанием воздуха. Не слишком опасный удар мне нанесли. Наверное. Больше похоже на прощупывание, чем на реальную диверсию. Может, оттого и послали этого старикана? Наемник отжил свою полезность, вот его и кинули в самоубийственное задание?

– Мне нечего вам сказать, господин Вэнь. Зовите уже свою ручную Хули Цзин.

– Для человека, которому нечего сказать, почтенный, вы слишком торопите смерть, – ответил я.

Командовать он тут еще будет! Слова его меня до конца не убедили. Вполне возможно, что он и правда работал через посредника, заказы получал через письма, а оплату – в алтаре деревенского храма. Наемные убийцы в моем мире, ну, если по фильмам судить, тоже так делали. Да и этот его образ доброго дедушки вместе с речами о готовности умереть – как-то это слишком киношно, что ли.

Корчит из себя самурая, мол, я не справился с заданием, я должен умереть. Нифига! Пусть еще поживет! Покоптит мир, подумает над своим поведением!

Кстати! Его же можно отпустить и проследить потом? Вскрыть его контакты, поймать, так сказать, на горячем. Отличная мысль! Так и стоит поступить!

– Воины! – велел я. – Развяжите этого старика и отпустите. Я узнал от него все, что хотел, пусть себе идет.

Внутри себя я даже лапки потирал со злобным смехом. Какой вы коварный, господин Вэнь! Надо же, как ловко все придумали! Настоящий Стратег.

И только часть меня принятому решению сопротивлялась. Рассудочная, умеющая задавать правильные и неудобные вопросы. Один из них звучал так – а как ты за этим стариканом следить собираешься? На крыльях ветра за ним лететь? Это же не город, где ты мог бы попросить Матушку И приставить ему топтуна в компанию. Это берег реки, военный лагерь вокруг паромной переправы, а потом горы, леса и вообще джунгли.

И вообще – что за игры в шпионов? Что мне с того, что я узнаю его явки и пароли? Даже если смогу выяснить со стопроцентной уверенностью, что послал мне наемника сам Чжугэ Лян – что это изменит? Стоит это того, чтобы отпускать опасного одаренного?

Гвардейцы тем временем выполняли приказ. Легко подняли дедулю на ноги, разрезали веревки, которыми были стянуты его руки, сняли повязку с его глаз. Колдун поклонился мне, мол, спасибо, очень неожиданное решение, пусть и непонятное. Я в ответ сделал лицо из камня и дернул головой – вали уже, дескать. Собой я очень гордился – на ходу, считай, на коленке, придумал такой план!

Дед сделал несколько шагов прочь от нашей компании, но затем почему-то обернулся. Вероятно, мелькнула у меня мысль, сбитый с толку моим великодушием, он решил рассказать мне всю правду. Неудивительно – с таким, как я, он еще не сталкивался. В китайцах-то милосердия и чайной ложки не наберется – другое дело у нас, у русских!

Именно в этот момент собственные рассуждения показались мне странными. Какими-то – не моими. Точнее, моими, но давними и, как мне казалось, уже изжитыми. Было в них что-то самовлюбленное, свойственное мне прежнему, когда я еще не полки водил, а бытовую технику продавал. Уверенность в собственной исключительности и даже избранности, но при этом непризнанности. И подсознательное желание того, чтобы мир наконец увидел, что за человек скрывается под рядовой внешностью консультанта «Эльдорадо».

В Китае я от всех этих фанаберий избавился довольно быстро. Думал, что избавился. Когда стоишь перед настоящим выбором, жизнь или смерть, когда должен быстро принимать решения, которые спасут или угробят тысячи твоих воинов, не остается времени на то, чтобы оценить себя со стороны и кому-то там понравиться.

Это, собственно, и корябнуло. Мне почему-то сделалось очень важно, чтобы старик-наемник понял, против кого он выступил. Проникся этим и стал сотрудничать. А, простите, с фигов?

Когда же гвардейцы взяли меня в коробочку и почему-то достали оружие, сигнал тревоги уже орал в моей голове не переставая. Научившись доверять своей интуиции, я активировал «плащ полководца» и по нему почти сразу заколотили десятки мечей.

А разум словно очистился. Я вдруг увидел, что старикан и не старикан вовсе. Что выглядит он вполне себе крепким мужчиной лет сорока пяти. Что смотрит он на то, как МОЯ стража пытается пробить МОЮ защиту с нескрываемым злорадством, а в руках держит продолговатый лист бумаги, на котором что-то написано.

Еще я заметил, что его слуга перестал трусливо сутулиться и стоит, подняв руки над головой. И пальцами еще шевелит с огромной скоростью, словно на невидимом пианино играет. Вот тогда до меня во всей полноте и дошло.

Это была не диверсия. Точнее, это была не столько диверсия, сколько покушение. Творец невидимых чудовищ привлек к себе внимание, устроил бучу в войсках, чтобы мы все кинулись его искать. Я вот – нашел, на свою голову. Только не одного одаренного, а сразу двух. Один из которых был приманкой, а второй – судя по всему – менталистом или кем-то вроде того.

А третьего, которому мой боец горло перерезал, его и вовсе не существовало. Он был только в моей голове и головах телохранителей. Чтобы мы почувствовали себя хозяевами положения. Еще, поди, и его нам предложил – я уже не был уверен, сам это решение принял.

Но своего напарника менталист специально безобидным дедушкой сделал – к такому доверия, как ни крути, больше, и убивать сразу не хочется. А потом заморочил нам голову относительно его способностей и, пока я с «дедом» говорил, подбирал ключик, чтобы потом нанести удар.

Мудрено. Тонко. Запутано. Тот, кто заказывал покушение, либо был очень умным, умеющим все просчитывать на несколько шагов, либо знал меня очень хорошо. Ну в самом деле – как можно было предсказать, что я лично Призывателя поеду искать? Что захочу сам его допросить? Или все проще было? Оба они так и так должны были попасть в плен, а уже тогда – ударить? Поэтому «старик Сяо» так долго со мной трепался? Должен был убедиться, что я тот самый Вэнь Тай?

А теперь один из них или сразу оба внушили моим воинам, что те видят чудовище. И те, верные мне до последней капли крови, сейчас лупят по защитной технике, не жалея сил.

Вот твари!

Мне захотелось срезать эту мерзкую ухмылку с лица колдуна с бумажкой. Вместе с кожей! Второму – руки к чертям отрезать, которыми он машет, как Шостакович! А потом

обоих на фарш переработать! Техника «плаща» позволяла мне это сделать без труда, но я не спешил отдаться гневу. Уже понимал, что мои эмоции – сейчас не вполне мои. К тому же, начини я сейчас махать крыльями, на удобрения пойдут и мои воины.

Вместо этого я медленно повел в стороны крылья «плаща», отодвигая гвардейцев и стараясь не навредить им. На удивление, мне удалось это повернуть, хотя расход энергии на технику без всяких интерфейсов вырос втрое как минимум. Ну правильно, одно дело резать уплотненным воздухом плоть, и совсем другое – бережно отталкивать ее же в сторону.

До «старика Сяо» стало доходить, что все идет не по его плану. Он попытался атаковать, бросив бумажку мне в лицо, но та просто прилипла к невидимой защите, как гонимый ветром листок к лобовому стеклу автомобиля. Теперь уже я улыбнулся и сам нанес удар. Без всякой магии. Продолжая удерживать своих воинов «плащом», я в три скользящих шага приблизился к менталисту и без затей врезал ему в челюсть. Да, кроме магии, я еще и руками могу. Не знал?

И колдовство, делающее гвардейцев послушными марионетками, врага исчезло. Они недоуменно уставились на оружие в своих руках, подняли глаза, в которых стало проявляться понимание, на меня. Я аккуратно, чтобы неловким движением не срезать кому-нибудь руку или ногу, сделал радиус разлета крыльев поменьше. Вынул из ножен меч и ткнул им в сердце наемника. Потом еще раз, еще раз и еще раз. Когда убедился, что тот точно не встанет (и выплеснул весь свой ужас от того, что только что чуть не произошло), принялся вытирать клинок об одежду мертвеца.

– Ну, храбрецы, – скрывая трясущиеся руки за мелкими движениями, бросил я воинам. – Чуть не уделал нас этот паршивец, а?

Со всех сторон тут же полетело «мы виноваты, господин!» и «пожалуйста, накажите нас, господин!», но я прервал поток их извинений взмахом руки.

– Довольно! Я сам тоже хорош. Решил в героя поиграть. Что ж, будет и мне наука – нечего так подставляться.

А про себя подумал, что нужно бы озаботиться какой-нибудь защитой от ментального воздействия. Самому закрыться от таких вот мозговертов и ближников своих вместе с личной охраной закрыть. Не дай бог повторится, а вместо обычных людей меня будут сопровождать Бык и Юлька. Долго моя защита против их ударов не устоит.

Пока повезло. С одним менталистом я справился, стал умнее и осторожнее. Ну тот, конечно, тоже дурачок! В одиночку забраться в самый центр моих войск, чтобы меня убить! Даже не знаю – храбрость это или глупость? Скорее второе – как он потом планировал отходить?

Довольный собой, я вскочил в седло. Ванька тут же пристроился слева, Лиса – справа. Воины, все еще чувствующие себя оплеванными, чуть не убив своими руками охраняемое лицо, выстроились за спиной. И таким вот строем, триумфаторским, я бы сказал, мы двинулись в расположение армии.

Этот момент я решил использовать для того, чтобы все-таки извиниться перед оборотничей. Традиции или не традиции, а я эксцентричный Стратег и в глубине души русский.

– Ноу-Ниу, ты уж извини меня за резкость, ладно? – произнес я.

– Да без проблем, – улыбнулась девушка. – Я же понимаю, что нельзя было под руку лезть, чуть тебе все не испортила.

Я удовлетворенно кивнул. Еще одним грузом на плечах меньше. Лиса приняла извинения, мир и покой наступил в Поднебесной. Хорошо, что она такая покладистая...

Стоп! Что? Покладистая Хули Цзин?!

Глава 95

Видят боги – а у меня парочка в знакомцах ходят, – я не самый умный человек. Обычный – не тупой, не гений, в меру сообразительный. Здесь мой разум, в родном мире-времени использующийся далеко не на полную мощность, хорошенько заточился от решения прикладных, часто связанных с риском для жизни задач. Вообще, если сравнивать, то Вэнь Тай образца 199 года здорово выигрывал у Алексея из двадцать первого века. Но, как выяснилось, не настолько, чтобы его (меня) не смогли обвести вокруг пальца.

А меня именно что обвели. Развели даже, как лоха последнего! Заставили плясать под чужую дудку! Выставили полным кретином и поймали, словно дешевую девку из дома удовольствий!

Все эти мысли сжатым архивом врезались в мозг, на ходу распаковываясь и заставляя понять, что произошло. Вот только раздумывать над этим долго, равно как и убиваться по своей недалекости и доверчивости, я не стал. Вместо этого прыгнул на Лисицу прямо с коня. Сбивая ее наземь и сам падая следом.

Никто даже не шелохнулся. Головы даже не повернул. Великое дело – полководец оборотницу по земле валяет! Да у нас тут каждый день аттракционы покруче показывают! Делов-то!

А реальность поползла. На самой границе зрения, если не присматриваться – не заметишь, но поползла. Как гнилая тряпка, в которую завернули некий предмет, а потом закопали в землю на много лет. Потянешь – и она даже без треска начинает распадаться. Словно, это уже не ткань, то есть скрученные меж собой нити, а невесомая паутинка.

Там, на границе восприятия, изображение дернулось и вместо причальных конструкций проглянуло синее небо. Под рукой вместо дорогого шелка ханьфу Лисы вдруг оказалась грубая ткань халата. Да и сама Ноу-Ниу как-то изменилась неуловимо. Вроде бы та самая первая красавица и главная нимфоманка Китая, застрявшая в моей свите, будто других дел у нее не было, а присмотришься – черты лица слишком уж грубые. По-мужски грубые.

Не трата времени на анализ всех этих странностей, я двинул оборотнице в челюсть. Ошибся – ну что ж, извинюсь. В обратку получу, если уж на то пошло – не убьет же сразу. Но что-то мне говорило, что ни о какой ошибке речь тут не шла. Все ошибки были сделаны несколько раньше.

После затрешины маска девушки еще больше исказилась и теперь напоминала криво сделанную в фотошопе личину. Еще и в паршивейшем разрешении – я, кажется, даже пиксели разглядел. И мужское лицо под ней – искаженное в испуге.

А так как лежать сверху на мужике было против моих твердых принципов (а тем более – на мужике, который выдавал себя за красивую девушку), то я врезал ему еще раз. И еще. А потом еще постучал головой по земле – его головой, разумеется. Взял за уши – мужские, что характерно, – и постучал. В завершении из чистой уже мстительности – так как необходимости в том не было – поднялся и со всей дури пнул сапогом по промежности. А потом в голову.

Теперь моя любвеобильная соратница в этом помятом и в кровь избитом мужике даже не угадывалась. Человек в недорогом платье – халат серенький, штаны темно-синие, сапожки, знавшие времена получше и видевшие множество дорог. Волосы черные, с тонкими нитями седины – немолодой уж, значит. По лицу же сейчас возраст не определить – все в крови, заплывшее. По рукам... Ну, сорокет, наверное, плюс-минус. Не из крестьян или рабочих – нет характерных мозолей, кожа не такая грубая, как у тех, кто занимается физическим трудом.

Только закончив разглядывать поверженного врага, я поднял голову и осмотрелся по сторонам. Сообразил, что нахожусь не на пристани паромной переправы сразу же. И удивился, разглядев, что стою на земле, окруженный не своими телохранителями, а озабоченными дру-

зьями – Пиратом и Быком. При этом, если Пират казался совершенно обескураженным, то Бык лишь слегка удивленным.

Телохранители, впрочем, тоже были в наличии. Но в отдалении, шагах так в двадцати – обычное расстояние, на котором они меня в пути сопровождали. Должны вроде прям рядом стоять, нет? Но еще больше удивился тому, что мы, оказывается, не доехали до лагеря у реки где-то с десяток ли.

– Старший брат? – неуверенно произнес Гань Нин. – Почему ты избил... кто это, вместо Ноу-Ниу? Что это за черное колдовство, старший брат?

Секундой позже, проделав некую аналитическую работу, он пришел к интересному выводу. Раз Лиса оказалась совсем не Лисой, а каким-то самозванцем, так, может, и его полководец тоже не тот, кем представляется? И потянулся на всякий случай к мечу.

Молодец он у меня. Быстро соображает. Не в ту сторону, но быстро – не отнять. К счастью, другой мой побратим тоже умел думать, и – что радует – в правильном направлении. Бык, прежде чем Пират окончательно извлек меч из ножен, возложил свою тяжелую лапищу ему на плечо.

– Это наш господин, брат Нин, – прогудел Лю Юй. – Он смог раскусить коварного подсыла, принявшего облик Хули Цзин, и поверг его.

Ох, Бык! Люблю я этого внешне не очень умного, но на самом деле весьма сообразительного человека. Про идущих Путем Земли часто говорят, что они, дескать, туповатые, развивают только телесную мощь, а разум оставляют за скобками. При первом с ним знакомстве – как же давно это было! – я, признаться, придерживался сходного мнения. Но со временем изменил его. Здоровяк довольно часто демонстрировал не вяжущуюся с его обликом проницательность.

Вот и сейчас он все понял правильно. Разглядел, так сказать, самую суть произошедшего. До конца, надо признаться, не ясною и мне самому.

То есть в общих-то чертах я уже все понял. Не было никакого подожженного склада, сражающихся с невидимками воинов, троицы подсылов за бревнами бамбука на пристани. А была дорога, во время которой ко мне приблизился менталист и внушил это все. Выдал себя за Ноу-Ниу и закрутил мой разум в воображаемых событиях.

Теперь, когда он лежал без сознания, я вспомнил, что Лиса сегодня с утра сказал, что на некоторое время отстанет от нас. Ей надо было поохотиться, а то в пути, как она выразилась, ее скоро тошнить начнет от скуки. Я, помнится, еще отпустил шуточку про то, когда девушек обычно тошнит без внятной причины, а обортница показала мне язык и смылась.

Юлька же и правда осталась в походном штабе, чтобы поработать с документами. А я некоторое время ехал один – попросил соратников не лезть ко мне с разговорами хотя бы часик. Хотелось подумать, как жить дальше в свете вновь открывшихся обстоятельств.

Потом ко мне присоединился Пират. Мы с ним обсуждали тренировки новобранцев, которыми займемся сразу же, как доберемся до паромной переправы. Затем – вот в тот момент враг и появился! – вместо Гань Нина рядом оказалась Лисица, и я вдруг начал рассказывать ей, как ищу способ борьбы с Чжугэ Ляном.

Вот этот момент был самым странным. Почему я, мое сознание, не среагировало на превращение мужчину в женщину. И был ли Пират вообще, или мне это тоже «показали». Надо было разобраться со всем этим. И найти способ больше на эти грабли не наступать.

– Ты сабельку-то убери, горячий юноша! – сказал я, видя, что Пират все еще пребывает в сомнениях. – Не бил я твою зазнобу, она сама кого хочешь поколотит. И вообще, быстро рассказывай, как это все со стороны выглядело.

Гань Нин еще немного поосторожничал, но, узнав меня по неподражаемой манере пересыпать академическую китайскую речь непонятными словечками на «горском» диалекте, оттаял и поведал свою версию событий.

Лиса, с его слов, уже была со мной, когда он подъехал. Мол, так-то бы он и не сунулся, помнил же, что Стратег просил всех его не дергать, потому что хотел подумать. Но увидел Ноу-Ниу, понял, что время мрачных раздумий старшего брата закончилось, и приблизился, чтобы обсудить планы относительно вечерней тренировки. И об этом, как выяснилось, мы все время и разговаривали – по крайней мере, ему так казалось.

Так, слушая его, подумал я. Значит, менталист уже был со мной рядом, когда Гань Нин решил подъехать. И – что? Путано как-то! То есть он остался в облике Лисицы, а сам сделал Пирата невидимым для меня? Или – подождал, пока мы с ним поговорили, а потом заставил забыть? Тот то на Лису вообще не среагировал, это в ее традициях было – ехать и молчать.

– А потом... Мы, вроде, закончили разговор. И ты, брат, велел мне съездить и посмотреть, что там с нашим хвостом колонны – не нужно ли их ускорить. Я сказал, что, конечно, сейчас и съезжу, а ты как прыгнешь вдруг на Ноу-Ниу! И как давай ее колотить! А она же ни слова не сказала! Просто слушала, как мы разговариваем, и все.

Тут Пират еще раз посмотрел на мужика с окровавленным лицом, которого я к тому времени уже связал его же поясом от халата. Словно хотел убедиться, что его не глючит, и он в самом деле видит не избитую Лисицу, а какого-то незнакомца.

– Ясно, – сказал я тогда. И уточнил у Быка: – А ты чего тут оказался?

Не хотел, но прозвучало так, будто бы я и его подозревал. Последствия глубокого ментального контроля, из-под которого я недавно вышел. Лю Юй, впрочем, не обиделся.

– А я к вам ехал, – просто сказал он. – Вижу – с тобой рядом Гань Нин и какой-то незнакомец. Стал ближе подъезжать и вдруг понял, что не незнакомец это, а госпожа Лисица. Я удивился, коня придержал и постоял немного на обочине. Снова посмотрел на вас – опять не госпожа Лисица, а неизвестный человек, тот, который сейчас на земле лежит. Ну, я и решил, что это какое-то колдовство, и поспешил предупредить вас. Но крика моего вы, старший брат и брат Нин, не услышали. И на «шепот ветра» не отреагировали. А когда я приблизился, мне снова привиделась госпожа Лисица, и я удивился тому, что мог принять ее за незнакомого мужчину. Все запуталось в моей голове, но тут ты, старший брат, стал бить злодея, и его чары рассеялись.

Я покивал. Теперь все произошедшее стало более понятным. Значит, этот диверсант подобрался ко мне, когда я ехал верхом в отдалении от всех. У его техники был какой-то радиус действия, в котором все видели ту иллюзию, которую он им показывал. Тех же телохранителей сейчас опроси – скажут, что видели госпожу Лисицу, которая решила составить компанию господину хоу.

Все равно слишком сложно. Как человек, который водит в бой тысячи других людей, я уже знал, что сложные планы столкновение с реальностью редко выдерживают. Чем проще маневр, чем яснее он всем твоим солдатам, тем меньше шансов, что все рассыплется на первом же этапе.

И поэтому я спрашиваю – чего менталист меня сразу ножиком по горлу не чикнул? Внушил бы всем картинку, что мы по-прежнему едем с Лисой рядом, а сам смылся бы и ловите его тряпками потом.

Получается, не мог. Морок на мертвое тело не мог наслать или какие-то другие ограничения у техники имелись. Надо будет его потом допросить. Просто чтобы знать, чего ждать от таких, как он.

Ладно, получается, он желал меня убить, но сделать это посреди войска на марше довольно затруднительно. Значит, он хотел меня уговорить отъехать куда-нибудь, да так, чтобы я велел охране за собой не следовать. А там и порешил бы. Но появился Гань Нин, и ему пришлось импровизировать и ждать. Каждого из нас он погрузил в собственную реальность – я в своей видел горящие продсклады и сражение с невидимками, а Пират просто обсуждал со мной обучение новичков.

Почему так? Потому, предполагаю, что я был весь на нерве, ждал подянки от Чжугэ Ляна, и показать мне ее появление было менталисту проще. Модель уже была у меня в голове, он ее только окультурил и наполнил деталями. А Гань Нин был озабочен тренировками личного состава, и с ним на ура зашел другой сценарий. Бык, как и мои телохранители, просто попали в зону действия способности и видели Лису. Без дополнительных настроек.

Получается, что блиц-убийства у засланца не получилось. А в долгую он играть не мог – энергии не хватало. Чтобы снять с себя нагрузку, он внушил Пирату, будто я велю ему проехать до хвоста колонны и проверить темп движения войск.

Но у меня к тому времени начали проявляться дыры в логике внушенной реальности. В частности, я среагировал на неправдоподобно покладистую оборотницу. А когда в челюсть ему прилетело, и со всех остальных контроль спал.

Правильно я все понял? Думаю, плюс-минус так и было. Остальное мы узнаем у этого неуважаемого господина на допросе. Или – сразу грохнуть? Во избежание? А то опять пойдет этот дивный сюрный мир, где я лично гонюсь за злодеями, вместо того чтобы чинно приказы отдавать? Нет, все же стоит рискнуть. Обезопасить себя только как? Дистанционно допрос проводить, за пределами его возможностей к внушениям? Как вариант, как вариант.

– Бойцы, – обратился я к телохранителям. – Этого типа упаковать так, чтобы он только дышать мог. Потом сгонять к Матушке И, взять какое-нибудь снадобье, от которого человек будет спать долго и крепко. Им его напоить и держать под охраной до дальнейших распоряжений. Выполнять.

Воины расторопно принялись исполнять приказ, я же взобрался на коня и снова огляделся. Мимо – весь этот театр одного актера на обочине концертировал – шли войска. Уставшие от марша солдаты даже по сторонам не смотрели, так что вроде никакого ущерба репутации я не получил. До стен лагеря, защищавшего пристань с паромами, оставалось около получаса пути, и над ним, что характерно, никакой дым не поднимался.

«Это реальность?» – спросил я себя.

Вопрос интересный. С подвохом. Последние события я тоже вполне реальными воспринимал, ничего не выдавало иллюзию. Так какие гарантии того, что сейчас я не в наведенном мореке, а?

«Это реальность!» – твердо сказал я себе.

Потому что нельзя было все время сомневаться – крыша съедет со стропил. Так можно дойти до того, чтобы с подозрением смотреть на все. И постоянно задаваться вопросом – это действительно происходит или меня заставили это видеть?

– Это реальность, – уже вслух произнес я.

– Конечно, это реальность, старший брат, – прогудел Лю Юй над ухом. – Но насколько реальна эта реальность, нам не дано понять. Великие мудрецы прошлого говорили, что видимое нами – лишь сон божества, неизмеримо более могущественного, чем все боги, которых мы знаем.

– Ты сейчас вообще не помогаешь, здоровяк, – вздохнул я. – Вот ни капельки!

– Но жить в сомнениях – не жить вовсе, – словно не слыша меня, закончил он. – Нужно выбрать самому – жить или сомневаться.

– Я выбрал, спасибо. Вино есть у кого с собой?

Прямо вот ужас как хотелось выпить вина. Пусть слабенького, которого надо с пол-литра выпить, чтобы опьянеть хоть немного, а еще лучше крепкого. Водки тут, понятное дело, не достать, а она бы идеально сейчас зашла.

Желание не самое умное, быть может, но, если сейчас хоть немного не накидаться, я до конца дня точно прибью кого-нибудь невинного, потому что заподозрю его в том, что мне его внушили.

– Как не быть, брат! – тут же и Пират приблизился. – Держи! Самое сейчас нужное снадобье! Когда ты пьян, никто не сможет задурить тебе голову, потому что ты сделал это самостоятельно!

Гань Нина, видать, тоже еще потряхивало после произошедшего. И я его понимал прекрасно. И аргумент его пришелся мне по нраву. Поэтому принял от него предложенную тыкву с крепленным вином и от души к ней приложился. Бык тоже не отказался – он никогда не отказывался. К тому же у него тоже была с собой горлянка – и не маленькая!

На всякий случай я все же принял меры предосторожности. Пока не выйдем из менталиста все о его возможностях, телохранители не тащились за мной следом, как обычно, а патрулировали тройками. Одна впереди, метрах в пятидесяти, другая чуть ближе, позади и с флангов – таким же составом. Расстояние я не наобум взял, а от рассказа Лю Юя отталкиваясь.

Кроме того, каждые несколько минут тройки проводили ротацию, чтобы выйти или войти в условное поле поражения мозгокрута. Паранойя? Да! Но параноики выживают!

В итоге к лагерю мы прибыли уже изрядно пьяненькие. Пират распевал песни – без слуха и без голоса. Мы с Быком урезонивали его, говоря, что так нельзя, люди смотрят и вообще – он один из прославленных генералов армии непобедимого Вэнь Тая, а сейчас ведет себя неподобающим образом. Хватало уговоров ненадолго, а потом мы и сами начали подпевать.

В общем, когда к нам присоединилась Лиса, мы уже были хорошими. В самом прямом значении этого слова.

– Ноу-Ниу! – заорали мы в три голоса, и оборотница отшатнулась от нас.

– А как мы узнаем, что видим ее, а не морок? – «резонно» спросил Пират.

Мы с богатырем переглянулись и важно закивали – правильный вопрос!

– Пусть перевоплотится? – предложил Бык.

– Я видел в своей иллюзии, как она перевоплощается. Это не аргумент! – махнул я рукой.

– Тогда пусть сделает то, что может сделать только она, а колдун не сможет! – теперь идея поступила от Гань Нина.

– Например? – уточнил я.

Пират, кажется, покраснел. Я, сообразив, о чем он сейчас подумал, захохотал. Быку стало интересно, чего я смеюсь, и я шепотом ему объяснил. Он рассмеялся так, что на нас стали оглядываться телохранители.

– Я поехала за вашей женой, господин Стратег, – сообщила тогда Лисица, взирая на нас с почтительного расстояния. – Не знаю, что тут у вас произошло, но госпожа Чэн разберется.

– Настоящая, – с тоской протянул я, глядя, как девушка разворачивает коня и направляет его в сторону тащившегося за пехотой обоза. – Так могла поступить только истинная Хули Цзин.

Глава 96

Женщины здесь делились на два типа. Большинство удовлетворяются статусом «за мужем», других же, которых значительно меньше, этот путь не устраивает совсем. В отличие от первых, они сами стремятся пролезть на первый план. Домохозяйки и стервы, если упростить. Амазонка, например, несмотря на избранный ею путь воительницы, вполне себе первый тип. Просто еще не нашелся мужчина, за спиной которой ей было бы комфортно находиться, вот и приходится на коне скакать, по врагам стрелять и лично отвечать за такое неженское, в общем-то, дело, как войсковая разведка.

Бешеная Цань – ну тут все понятно и без объяснений, верно? Яркий прикид, эксцентричное поведение, мнение, которое она всегда спешит высказать, спрашивали ее о том или нет. Мужики в ее окружении при этом вовсе не рохли-подкаблучники, вполне себе волкодавы, одного Степного Волка только взять. Но какой бы внутренней силы ни был ее избранник, ей нужно доминировать. Справедливости ради, есть сферы, в которых она готова быть на втором плане. Как союзник, например. Главное, что не в отношениях.

Ну и, разумеется, когда есть правила, существуют и исключения из них. Моя жена – Чэн Юэлян. Юная аристократка, воспитанная отцом-интриганом, достигшая в столь молодом возрасте уже девятого разряда избранного пути, она не была ни тихой скромницей, ни доминирующей альфой. Как всякую девочку из богатой и знатной семьи, ее готовили стать женой для сановника или полководца, но при этом не собирались выдавать замуж насильно, преследуя интересы клана. Она добровольно пошла на брак с еще малоизвестным, но подающим надежды Стратегом не по приказу папеньки, а потому, что сама разглядела возможность возвыситься.

А еще она смогла отвернуться от отца и выбрать сторону мужа, когда родитель замыслил предать зятя. Это для китайской девушки данной эпохи – подвиг. Не такой крутой, может, как у распиаренной Мулан, но тоже довольно значимый поступок. Я вот лично оценил...

К чему я веду? Да все просто. Домохозяйка меня за спонтанную пьянку в дороге, устроенную для укрепления связи с реальностью, пилила бы. Нудно, тихо, слезливо. Стерва – устроила бы разнос на людях. Юлька прибыла по зову Хули Цзин только для того, чтобы удостовериться, что никакой урон престижу хоу не нанесен. После чего властно отправила моих побратимов отсыпаться – и ни один из них даже не пискнул возражения! – а сама осталась рядом со мной, ни словом не упрекая меня за нервный срыв, но с готовностью участвуя в мозговом штурме по поводу противодействия мозгокрутам.

– Это Кукольник, – сказала она, кивая каким-то своим мыслям. – Они же как сказка. Думала, их уничтожили уже очень давно. Опасный дар, никто их не любил.

Поддерживаю руками и ногами! После всего, что устроил этот тип со мной, я лично готов возглавить джихад против этих самых Кукольников. Поднять каждый камень, под которым они могли бы спрятаться, и предать сволочей огню. Хуже нет, чем жить с постоянным вопросом – действительно ли с тобой что-то происходит, вот хоть этот разговор с женой, или ты валяешься без чувств, а рядом сидит такой вот дядя-мозгокрут. Пока не испытаешь на себе – не поймешь!

В прошлом, видимо, кто-то из значимых исторических фигур, попал под ментальный котел. И со свойственной китайцам методичностью принялся геноцидить странных одаренных. Хорошо бы еще записки после себя оставили. Так, мол, и так, ребят, этих тепленькими брать можно в третью лунную ночь, вязать веревками из паутинной нити, а глаза закрывать серебряными лянами, и тогда вам ничего не грозит. Или оставили?

– Нет, я о таком не слышала, – ответила супруга на мой вопрос. – Говорю же, они как страшная сказка. Про них нянька только и рассказывала, да и то пока я совсем маленькая была. Разумеется, в ее историях не было никаких инструкций по борьбе с Кукольниками. Кроме молитвы предкам...

Но кое-что она вспомнить смогла. Для этого ей пришлось рассказать мне ту сказку, что сама она слышала в детстве. Там как во всяком уважающем себя народном эпосе наличествовал злой богач (чиновник, если быть точным), обиженный им крестьянин и, собственно Кукольник Го, который жил на высокой-высокой горе и к которому крестьянин обратился за помощью. Опуская несущественные вопросы, которые в сказках всегда обходили стороной – где он взял адрес этого Го, откуда вообще про него услышал, – помощью Кукольника он заручился. И тот пошел причинять справедливость злому чиновнику.

Закончилось там все жутким образом. Сперва Кукольник вдоволь поиздевался над чиновником, заставляя его видеть то, чего не было, и наоборот. Потом – вот затейники эти китайцы, в русских сказках до такого бы никогда не додумались! – заставил жрать раскаленные угли, причмокивая от удовольствия. И под конец занял его место и некоторое время правил провинцией, собирая налоги в свой карман и похищая девиц для гарема. После чего уже император, прослышавший о беде, отправил войска под руководством неких охотников, и Кукольника не без труда, но убили. В процессе еще и народу простого положили тысячи – видать, искали мозгокрута очень усердно.

Мораль сказки тоже впечатляла. От добра добра искать не стоит. Думаешь, чиновник у тебя плохой и нерадивый? Коли так – жалуйся императору, тот, пусть не сразу, но разберется обязательно и виновного накажет. А начнешь на стороне помощь искать – оно вон как обернуться может.

Никакого, короче говоря, долго и счастливо. Просто – умерли в один день. Сотни и тысячи. Очень по-китайски.

Но кое-что из ее истории я извлечь сумел. Охотники на них, на Кукольников, существовали. И, вполне возможно, оставили какое-никакое письменное наследие. Должны были оставить, если принимать во внимание любовь китайцев к записыванию всего на всем – от черепашьих панцирей до бумаги. А раз так, то Мытарь мог про это прочесть. И как Секретарь высокого разряда – запомнить навсегда.

Но оказалось, что до падения Хань У Ваньнан с такими сведениями не сталкивался, а потом с каталогизацией в библиотеках империи все стало грустно. Но зато про Кукольников смогла рассказать Матушка И – хранительница ста тысяч и еще одной народной побасенки.

– Надо выяснить, к какому типу он принадлежит, – сказала старушка, когда ее посвятили в историю с менталистом. – Кукольники делились на две группы – чань-ю и пай-ю. У одних, если верить сказкам, сила была в голосе, их еще Певцами называли, а у других – в глазах. И в том, и другом пути он не мог преуспеть. Что ты помнишь, молодой господин? В чем его сила?

Я задумался. В видении, где я с гвардейцами мозгокрута в плен брал – им же, кстати, и показанном, – он вроде голосом заставил телохранителей на меня напасть. Можно этому верить или это деза, которую противник мне специально слил? Вообще, как воспринимать мои глюки – я их сам накручивал, а менталист просто придавал направление, или же он полностью создавал сценарий?

При этом его слуга – которого, опять же, не было – что-то говорил про глаза. Мол, плохой у него взгляд, все тайны видеть способен? Подсказка? Почему эта информация прозвучала в видении?

– Предлагаю считать, что убийца может насылать видения и голосом, и взглядом, – произнесла Юлька. – Допросить его можно так: завязать глаза и рот, а под руку положить лист бумаги. Пусть на вопросы отвечает письмом.

– А я бы убила, – пожала плечами Матушка И. – Что вы на меня так смотрите, молодая госпожа? Он опасен! Что он может такого рассказать, что перевесит риск разговора с ним? Ну, послал его этот Невидимый дракон – что это меняет? А про то, как от Кукольника защититься, он все одно не расскажет!

Логика в словах старушки была, определенно. Но и просто убивать подсыла, не попытавшись даже узнать о планах заказчика, было бы просчетом. Стратегическим. Чем больше известно о противнике, тем больше шансов его победить. Мне же пока о Чжугэ Ляне не было известно ничего. Даже то, что он попаданец, было лишь обоснованным предположением.

– Поступим, как предлагает моя жена, – сообщил я наконец. – Убить мы его всегда успеем.

Все собравшиеся на импровизированное совещание начали вставать и расходиться. Молодцы, прям! Было время спорить и высказывать свое мнение, они это делали. Закончилось обсуждение принятым решением – о чем еще говорить?

Сам я в этот раз участие в допросе принимать не собирался. Хотелось, не буду врать. Часть разума просто жаждала этого, мотивируя свое желание тем, что «ну кто еще сможет задать правильные вопросы?» Но риск был слишком велик. Избегая его – глупо ведь лезть на рожон, да? – я составил список обязательных вопросов, передал их дознавателю-палачу и постарался выкинуть из головы мысли о менталисте. До тех пор, по крайней мере, пока мне не принесут его допросный лист.

Сам же решил заняться переправой. Лично оценить, как у нас проходит это дело, и при необходимости ускорить процесс волшебным пенделем хоу.

В чем, как вскоре выяснилось, не было никакой необходимости. Командиры прекрасно управлялись со своими подразделениями, погрузка войск шла по графику, поэтому через пару часов я уже был в своем шатре. Где обнаружил Хули Цзин, пьющую чай в компании молодого китайца.

Лет ему навскидку было восемнадцать-девятнадцать. Юноша с гладким лицом, каноническими чертами, большими (для азиата) глазами и черными волосами, частью собранными заколкой в районе затылка, частью – свисающими на плечи.

Одет он был явно не по-походному. Дорогой ткани халат, белоснежное нижнее платье, пояс, украшенный серебряными заклепками, на котором висел вышитый крохотными блестящими, возможно, драгоценными, камушками.

Руки, выглядывающие из широких рукавов халата, были ухоженными, с тонкими пальцами музыканта и ногтями – вот не вру! – покрытыми тончайшим слоем прозрачного лака.

Все это вкупе давало образ важного придворного, ну, или сына важного придворного, этакое мажорчика, с холеным лицом, на котором застыло выражение снобистского высокомерия и превосходства над всем окружающим миром. Но не давало ровным счетом никакого ответа на вопрос, как этот китайский айдол оказался в южной глуши, посреди военного лагеря, осуществляющего переправу.

Слишком богатый. Слишком ухоженный. Слишком красивый.

У его ног, а сидел он подле низкого столика, на котором кто-то – Лиса? – уже расставил множество крохотных блюд с угощением, а рядом стоял плетеный из бамбука объемный дорожный сундук с заплочными лямками. Такие брали с собой в путешествие люди, передвигающиеся пешком, особенно бродячие торговцы.

Представить, что этот напояженный франт в дорогом халате серого цвета, богато украшенном вышивкой, будет куда-то идти своими ножками в изящных сапожках с загнутыми носками, да еще и тянуть на горбу вот этот, совершенно чуждый ему сундук, было решительно невозможно.

– Вот и он, брат! – вскочила тут же Ноу-Ниу. Приблизившись, она ухватила меня, обомлевшего, за руку и потащила к столу. – Хорошенький, правда?

От такого напора я немного «поплыл». То есть сперва-то я хотел с подозрением спросить – а что вообще происходит? Вы нормальные, а? Заходит полководец в свою палатку, самое охраняемое место в лагере, на минуточку, а там ханьский императорский двор в миниатюре чаи гоняет. Я же говорил, что Ноу-Ниу по случаю гостя приоделась? Нет? Ну так вот, она и раньше-

то одевалась как куртизанка на выгуле, а не участник ведущей сражения армии, но сегодня превзошла саму себя.

Образ – невинность во плоти. Белые, невесомые до полной прозрачности верхние одежды. Такого же цвета, но с золотой вышивкой нижние. Волосы не в сложной прическе, как обычно, а распущенные, лишь схваченные по бокам такими не до конца доплетенными косичками. За правым ухом цветок сливы – а она еще не зацвела, кстати. На лице макияж в стиле «без косметики» – то, на что женщины как раз и тратят прорву времени.

В общем, чистота, нежность и весна юности. Лиса. Та самая, которая без мужика спать не ляжет. М-да.

И этот ее «брат»! Тоже оборотень, что ли? Я почему-то был убежден, что они только девочки. Нет, обратного мне никто не говорил, но лисичек я видел только женского пола.

Как себя вести, я решил сразу. Варианты какие были? Сделать строгое лицо и голосом императора и потребовать ответа. Наорать и напомнить, кто тут главный, вообще. Или сделать вид, что все в порядке и дать себя усадить подле низкого столика, заставленного множеством мелких блюд?

Третий, без вариантов. Просто потому, что так было проще. Для начала, быковать, находясь в комнате с одной только Лисой, чревато, а если второй тоже из их племени? Да еще ранга какой-нибудь Небесной Лисы? Не зря же Ноу-Ниу так перед ним стелется! Ну и потом, требовать от моей Вольной соблюдения субординации – это как приказывать дождю не быть мокрым.

И самое главное – знаю я ее! Не притащила бы она в мой шатер, будь хоть трижды вертихвосткой, совсем левого китайца.

Так что я промолчал. Уселся на задницу, как правоверный ханец, получил в руки пиа-лушку с чуть подкрашенной водицей, чаем, и с вопросом уставился на Лисицу. На ее «дорогого братца» чего смотреть? Я его сразу рассмотрел во всех подробностях. Да и считать что-то с его лица мне не казалось возможным. В покер с таким сядешь – банк твой.

– Господин Вэнь, – тоже сидя на коленях, Ноу-Ниу совершила в мой адрес поклон. – Позвольте представить вам моего духовного брата и наставника, бессмертного Дуань У. Он Великий Мастер прорицания, гадания и астрономии.

Не Лис. Ну, по крайней мере, из сказанного Ноу-Ниу ничто на это не указывает. А на что указывает? Для начала – Великий Мастер. Это как бы говорит о том, что передо мной как раз тот посланник богини, которого она мне обещала на последнем сеансе связи. Дисциплины, конечно, в которых он специализируется, так себе. Ну что это такое – прорицание, гадание и астрономия? Чем мне это поможет? Впрочем, ладно. Не мне дареному наставнику под халат заглядывать.

Дальше идем. Бессмертный. Как я уже понял, здесь, в Китае конца второго, начала третьего века нашей эры, это не фигура речи. Если тебе говорят – маг, будь готов к фаерболу в лоб. Богатырь может раскидать пару десятков, а при правильном подходе и сотню простых людей, Страж способен сделать свою кожу и кожу рядом стоящих прочнее железа, Стрелок – запустить снаряд на огромное расстояние, да еще снабдить его дополнительными свойствами за счет ци.

Так что, если Лиса говорит, что господин Дуань У – бессмертный, значит, принимаем информацию как достоверную. Либо этого смазливового пацана нельзя убить, либо он не пацан вовсе, а «вечно молодой, вечно пьяный». Бессмертный, в смысле. А то, что произносит она это его звание явно с большой буквы, значит, что это тоже в своем роде ранг и спецификация одаренного.

– Рад с вами познакомиться, господин Дуань, – поклонился я ему так же, как и Лиса, не поднимая задницы. – Смею предположить, что вы и есть посланник Гуаньинь.

Юноша вернул мне поклон, абсолютно зеркальный.

– Это так.

И замолчал. Вместо него почему-то продолжила говорить Лиса.

Вообще, было странно наблюдать, как Вольная перед ним стелется. Для нее же вообще в подлунном мире авторитетов нет, а тут вдруг сразу и «дорогой брат» и «наставник». И поклоны все эти с переодеваниями. А теперь еще и говорит за него. Чудеса. Причем не те, которые бы мне понравились.

– Бессмертный У только что прибыл сюда, господин Вэнь. Он дал мне знак, чтобы я встретила его и проводила в лагерь. Бессмертный У не рассчитывает пробыть здесь длительное время, лишь выполнить поручение богини. После он намерен отправиться дальше. Поэтому он желал бы сразу провести ритуал познания и провести несколько гаданий, чтобы определиться с выбором вашего обучения.

Видят боги – я был не против поскорее принять свой десятый разряд и возвыситься до статуса Великого Мастера. Но мне решительно не нравился этот тип, который сидит в моем шатре с таким видом, будто это я к нему в гости пришел. Не, я все понимаю, Бессмертный и все такое, но элементарные правила вежливости нужно соблюдать. Мы в Китае или где?

Но главное, что меня в этом моложавом старце бесило, – это то, как он воздействует на Хули Цзин. Мне нравилась это слегка безумная и озабоченная Вольная. Да, не без недостатков девушка, а вы покажите, у кого их нет. Я уважал ее независимость и, вероятно, поэтому мне было больно смотреть, как она превращается в слугу, который даже говорит за господина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.